СТАЛЬНОЙ РАССВЕТ

РАСКОЛ

КНИГА ВТОРАЯ

автор
Евгений Асадчий

Евгений Асадчий

Стальной рассвет — Раскол (роман)

«Автор»
2026

Асадчий Е.

Стальной рассвет — Раскол (роман) / Е. Асадчий — «Автор», 2026

«Раскол» — второй роман цикла «Стальной рассвет».Чужой приказ. Её голос.Два месяца назад Рей и Аврора предотвратили орбитальный удар. Теперь кто-то отдаёт приказы от имени Авроры. Из-за одного люди застревают у городских турникетов. Другой меняет маршрут машины с лекарствами, которую ждут в медпункте.Совет расколот. Пока его члены делят власть, Рей ищет источник поддельных приказов, а Аврора пытается восстановить работу городских служб.Тех, кто встаёт на защиту горожан, называют Стражами. Они должны защитить людей от незаконного приказа, даже если его отдаст сама Аврора.И сами Стражи отвечают перед тем же законом.

© Асадчий Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Третий раз 9
Глава 2. Подпись 17
Глава 3. Доверенный канал 27
Глава 4. Люди за стеклом 37
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Евгений Асадчий
Стальной рассвет — Раскол (роман)

Роман

Глава 1. Третий раз

Первый состав прошёл над переходом. Рабочий в потёртой куртке посмотрел сквозь стекло наверх: вагоны уходили в город, его поезд на заводскую ветку ещё не подали. Солнце только показалось над корпусами. Крыши уже блестели, а между опорами эстакады всё ещё горели фонари.

Перед входом он расправил загнувшийся угол пропуска и сунул сумку под мышку. Внутри лежали перчатки и завтрак в металлической коробке. Коробка тёрлась о пряжку ремня при каждом шаге. В выходные он собирался подшить ремень, а утром опять решил, что и так доедет.

За стеклом диспетчерской мужчина придержал пальцем отметку на схеме путей.

— Принимаете состав?

Женщина у второго пульта дождалась, пока на её схеме освободится участок. Коллега рядом с ней уже потянулся к переключателю. Она отвела его руку и указала на входной сигнал.

— Принимаем. Теперь подтверждено.

Над турникетами загорелся номер платформы. Из-за стекла дежурная кивнула рабочему. Они виделись здесь каждое утро, иногда ещё до включения верхнего света. Он кивнул в ответ и достал пропуск.

Два месяца назад Совет «Гелиоса» утвердил «Нулевой день». Орбитальный удар угрожал двум миллионам человек. Рей и Аврора остановили запуск. Рабочий помнил ту ночь по гудкам в трубке: он звонил сюда, на станцию, узнать, пойдут ли поезда. Под утро знакомый женский голос сказал: «Первый подадим в шесть». Он и сейчас помнил, как сел на край кровати и принялся искать носки.

В цехе его ждал сменщик. Ночью тот менял крепление на приводе и должен был показать, где остался люфт. Опоздай к пересменке — будешь слушать объяснения по связи, пока человек едет домой, а у тебя над ухом уже запускают подъёмник.

Он приложил пропуск.

На экране загорелась зелёная строка «Личность подтверждена». Рабочий шагнул вперёд. Створка стукнула его по колену.

Ниже зелёной строки горела красная. «Проход закрыт».

На соседней дорожке прошла женщина с таким же пропуском, только на оранжевом шнурке. За ней прошёл парень, не отрывая глаз от своего экрана. Рабочий посторонился. Красная строка ещё горела.

Он потёр пластик о рукав и приложил его изнанкой. Экран коротко мигнул и снова подтвердил личность. Ему показалось, что на этот раз створки дрогнули. За спиной кто-то вздохнул и переставил сумку на пол.

— Ещё раз приложи. Бывает.

Человек говорил без раздражения. Он стоял в расстёгнутой куртке и уже держал свой пропуск наготове. Рабочий дал ему место подойти к стойке, прижал карту в третий раз и дождался обеих строк.

— Уже третий раз бывает.

— Давай я первым, — сказал пассажир. — Посмотрим, что у меня покажет.

Ему створки открылись. Пассажир сделал два шага и остановился. Теперь они с рабочим смотрели друг на друга поверх считывателя. У одного пропуск всё ещё был в руке, второй уже сунул свой в карман.

— У меня открывает. Позвать кого-нибудь?

Рабочий поднял руку. Дежурная уже шла к ним вдоль ограждения. Она указала очереди на соседние турникеты, остановилась и посмотрела на раскрытую ладонь с пропуском.

— Вы к утреннему на заводскую ветку?

— Да. К пуску надо быть там.

— Приложите при мне. Карточку оставьте у стойки, пока я смотрю.

Он слишком быстро отнял руку, потому что так привык делать, и прижал карту снова. На планшете у дежурной рядом с его именем появились те же две строки. Она сразу перешла к маршруту.

— Назначение есть. Участок открыт. Вы сегодня заявку на другой выход подавали?

— Мне нужен этот. Я с этой платформы всю неделю езжу.

Дежурная отвела его от стойки. На планшете стояли время, номер турникета и слово «Ограничение». Она провела пальцем влево, открывая графу с причиной. Пусто. Провела ещё раз, уже медленнее. Время рабочего шло у неё в руках.

— Если я вас проведу через служебную калитку, на выходе останется тот же запрет, — сказала она. — Следующий дежурный увидит, что вы проехали в обход. Лучше я сейчас запрошу проверку.

Рабочий посмотрел на табло. Платформа была та же. Время отправления уже сменилось отсчётом, и под полупрозрачными цифрами проступал вид на пути.

— А у вас долго это?

— Смотрите на табло. Если начнётся посадка, сразу скажите.

Она открыла служебный канал и передала маршрут с показаниями стойки. Рабочий смотрел на табло. Оттуда ему был виден пассажир за ограждением. К закрытым створкам подошла женщина с ребёнком, и тот молча показал ей на соседний ряд.

— Вижу, — ответила Аврора.

Рабочий узнал голос. В дни после «Нулевого дня» Аврора сообщала, какие линии снова принимают людей, и у неё была привычка повторять номер пути после короткой паузы, если с первого раза его перекрывал шум станции. Теперь её голос прозвучал над стойкой. Рядом с показаниями на планшете запульсировал голубой значок. Рабочий вдруг понял, что ещё держит карту, и ослабил пальцы.

Аврора сверила маршрут со списком действующих допусков. Дежурная видела её проверку на планшете и перестала листать экран. Нижняя строка исчезла. На экране загорелось «Проход открыт». Створки открылись.

— Проход восстановлен.

Рабочий переступил через стык в полу. Он уже был с другой стороны, когда повернулся.

— Спасибо, Аврора!

Дежурная кивнула в сторону лестницы. Пассажир, который его ждал, придержал дверь на платформу, втиснул сумку между створками и крикнул, что до отправления ещё есть время. Рабочий спустился за ним, касаясь поручня одной рукой. На последних ступенях сумка зацепилась пряжкой за стойку. Он дёрнул её и услышал знакомый удар коробки о металл.

Он встал у двери вагона, достал терминал и отправил сменщику одно слово. «Еду». Ответ пришёл, когда створки закрылись. «Подожду у привода».

Рабочий хотел поблагодарить попутчика. Между ними протиснулись двое с инструментальными сумками. Когда они разошлись, парень в расстёгнутой куртке уже затерялся в вагоне.

Когда состав набрал ход, в щели между стёклами пробежал свет. Рабочий держался за поручень и четыре остановки подряд слышал, как кто-то дышит ему в плечо. На пятой состав вышел на высокую ветку. Те, кому не нужно было скоро выходить, привычно повернулись к окнам. Оттуда был виден край города и за ним площадки, по которым ночью проезжали гружёные машины. Днём машины терялись на фоне корпусов. Утром их можно было пересчитать по редким вспышкам маяков.

Отец оставил ему эту куртку и привычку спрашивать у сломанной машины: «Ну, и на кого ты теперь свалишь?» Самый надёжный на их памяти привод однажды указал виновником человека, который даже не вышел в смену. Они тогда вдвоём полдня провели под кожухом. У турникета рабочий и не подумал усомниться в машине. Первым делом принялся тереть пропуск.

У двери снова показался парень в расстёгнутой куртке, который придержал дверь на платформу. Теперь он судорожно листал семейный канал. По экрану пробежало детское лицо, потом вид серой стены под углом. На ней был криво наклеен рисунок.

— Успеете к началу? — спросил рабочий.

Парень обернулся не сразу.

— Если выйду сейчас, да. Если пройду через нижний цех. А вы в какой?

Оказалось, едут к одному участку. Они договорились, что через нижний будут идти вдвоём. Рабочий слышал, что боковой лестницей в это время пользуется обходчик, который всегда оставляет решётку приоткрытой до смены. Через главный вход им пришлось бы лишний раз проходить контроль. Он не объяснил парню, почему теперь так не хочется тратить на него время.

Перед боковым разъездом поезд сбавил ход. Оба посмотрели в окно. За платформой на боковом ходу ждали три грузовых модуля. Маяки погасли, одна машина закрыла опоры, но так и не отъехала. Парень придвинулся ближе к стеклу. Ему нужно было днём встретить сестру у медпункта, и он хотел понять, где встать, чтобы её не оставили ждать у грузовых дверей.

У следующей платформы пришло сообщение от мастера. Привод готовили к пуску. Рабочий набрал сменщика и услышал сквозь гул вагона, как хлопнула дверца шкафчика. Тот ждал его у привода, сколько мог.

— Домой хочешь? — спросил рабочий.

— Со вчерашнего.

— Я подойду к лестнице, тебе назад идти не придётся. Расскажешь, где искать люфт.

— Только мастеру не говори, что привод уже сдали, — попросил сменщик. Рабочий обещал. Сквозь гул вагона он всё-таки расслышал, что тот ещё хотел сказать, уже убрав трубку ото рта: «Гайка у меня». На стекле впереди мелькнули окна медпункта. Рабочий натянул перчатки, чтобы у лестницы только взять то, что ему принесут.

Станция осталась позади. Дальше пути проходили мимо медпункта. У входа зависла небольшая грузовая машина, удерживая под корпусом белый короб с зелёным крестом. Кто-то вышел к ней с терминалом. Рабочий видел их всего несколько секунд. Потом между вагоном и улицей встала стенка перехода, и он завёл ладонь под ремень сумки, чтобы пряжка больше не била по колену.

У нижней лестницы сменщик уже застёгивал куртку. Из кармана он достал гайку, на одной грани ещё блестела царапина. В конце ночной смены они провернули привод вручную. Щиток приподнялся и снова сел, а гайка выкатилась на решётку. Сверху не разглядели, откуда. Сменщик передал её рабочему. К майке под его расстёгнутой курткой прилипла металлическая стружка.

Мастер как раз тянулся к пульту. Рабочий положил рядом гайку. Рассердившись, мастер взглянул на часы, но наклонился к раме вместе с ним. Пустое гнездо нашли под щитком. Рабочий выпрямился, растёр колено, которым ударился о турникет, и услышал, как пискнул терминал. «Нашли?» Он снял пустое гнездо крупно и отправил сменщику снимок. Гайку вернули на место. Щиток выдержал первый оборот и второй. Через десять минут мастер дал пуск.

Медсестра открыла белый короб и придержала крышку локтем, пока грузовая машина отводила захваты. Иней с крепления осыпался на край стола. В коробе лежала сегодняшняя поставка для приёмной. Этот короб привезли первым рейсом. Остальное ждали с четвёртой рампы к началу приёма.

Она приложила метку короба к терминалу. На экране открылись ячейки с номерами полок. Медсестра начала раскладывать упаковки и на третьей заметила, что женщина у окна уже сняла перчатки и держит их на коленях. Они познакомились несколько недель назад. Женщина приходила к началу приёма, даже когда её время было на полчаса позже. Она любила сесть у стекла и смотреть, как за заводскими крышами появляются первые вагоны. Сегодня она то и дело отворачивалась от путей к столу.

— Я рано? — спросила она.

— Вы вовремя. Я сверю доставку, и можно заходить.

Медсестра задвинула короб в нижний отсек шкафа. С места у окна женщина видела сквозь прозрачную стенку зелёный крест на крышке. Соседняя полка, куда потянулась медсестра, была пуста.

У терминала висел график рейсов. Тонкая линия от распределительного узла до медпункта высвечивалась у края корпуса, оставляя место под текущие заявки. Первый короб уже отметился у приёмной. Второй должен был пройти через четвёртую рампу. Медсестра развернула его карточку на стекле. Время приёмки сменилось жёлтым знаком.

«Рампа 04. Задержка».

В шкафу оставалось два пакета. Один для женщины у окна. Другой для того, кто войдёт следом. Третьему взять уже негде, а за ним в расписании стояли ещё двое.

Медсестра вывела на край экрана ближайшие записи и поставила пометку у каждой, где значилась эта поставка. Коллега у входа уже готовился зазывать следующего человека из очереди. Она показала ему на две верхние записи.

— Этих двоих веди по времени. Мы начнём. Как дойдёшь до третьего, загляни ко мне.

Он бросил взгляд на жёлтую отметку.

— Запас откуда брать?

— Из шкафа у смотровой. Потом пересчитай, что осталось. Если за смену придётся идти за помощью к соседям, я хочу знать, сколько именно просить.

Коллега взял терминал и ушёл через приёмную. Медсестра поднесла руку к полосе расписания, прикидывая, кого можно принять чуть раньше и кому удобнее подождать. Женщина у окна снова надела одну перчатку. На второй зацепился палец, и она положила её поверх сумки.

— Может, мне позже зайти? — спросила она.

Медсестра оторвалась от экрана.

— Как вам удобнее? Если вернуться к обеду, я оставлю за вами время.

— Сейчас лучше. Я обратно с людьми поеду. Днём от нас до станции ходить приходится дальше, а к вечеру я устаю.

Она говорила об этом ровно, будто объясняла разницу между двумя маршрутами. Медсестра вспомнила, сколько ступенек у дальней платформы. Ей самой с сумкой по ним идти было тяжело. Женщина каждую неделю приезжала одна.

— Тогда оставайтесь. Для вас у меня есть всё, чтобы начать.

Медсестра открыла шкаф своим ключом и сняла пакет с верхней полки. Под ним лежал последний. Она тут же отметила расход: в соседней приёмной тоже видели этот шкаф и могли прямо сейчас сказать кому-нибудь из своих: «Поезжайте к ним, у них ещё два».

Медсестра вернулась к открытому коробу у стойки и протянула женщине запасной пакет обеими руками. Та взяла его осторожно, оставив сверху свои перчатки.

— Подождите ещё немного, — сказала медсестра. — Вас позовут из той двери, прямо напротив.

Женщина переложила пакет на колени.

— Вы сами туда придёте?

— Да. Мне нужно закончить один запрос, и я приду.

Она вернулась к терминалу. В верхней части экрана ещё горел жёлтый знак. Медсестра попробовала развернуть сведения о рампе. Отметка предыдущего поста была на месте, время следующей приёмки исчезло. Вместо него система предлагала обратиться к диспетчеру получателя.

Получателем был медпункт. На экране стояло её рабочее имя.

Обычную задержку видели обе стороны. Медпункт мог перенести приём, а отправитель менял время прибытия. Сейчас у медсестры был номер рампы, у соседней приёмной был остаток из последней сверки, а груз, который ждали к началу приёма, пока оставался где-то между двумя отметками. Она держала ладонь над стеклом и думала, какой запрос даст ответ раньше. Можно было открыть заявку на повторную доставку. Тогда кто-нибудь возьмёт со склада ещё один короб. Первый груз от этого не найдётся, а на складе будут считать, что отправили два.

Она выбрала проверку в системе контроля. В строке назначения уже было название медпункта. Она добавила номер рампы и указала, на сколько приёмов рассчитан груз. Затем открыла поле для подтверждения фактической доставки, где можно было выбрать отметку прямо с датчика пустого отсека.

Коллега из приёмной приоткрыл дверь.

— Первую пациентку можно звать. В резерве ещё один пакет.

— Видела. Я отправляю запрос. Попроси следующего подойти через несколько минут, чтобы в коридоре места хватило.

Женщина поднялась, прижав пакет локтем к пальто. Одна перчатка осталась на сиденье. Медсестра догнала её у порога. Женщина взяла перчатку, но пальцев сразу не разжала. Спросить о чём-то при остальных так и не решилась. Только за ширмой наконец её окликнула.

На терминале осталось открытое окно контроля. «Груз не поступил». Медсестра приложила показание пустого отсека и заглянула за ширму.

— Мастер увидит, зачем я сюда хожу? — Женщина показала ей экран. В строке получателя стоял номер цеха. До конца приёма оставалось полчаса, а в её цехе уже вторую смену разбирали привод. Ей нужно было вернуться раньше, чем парень, которого она сменяла, уйдёт за ребёнком. — Мне бы только показать, что я правда была у вас.

Медсестра сперва оставила ей время с запасом. Женщина всякий раз соглашалась подождать, а потом тихонько забирала куртку. Сегодня она впервые сама взялась исправлять запись.

— Мастеру надо знать, когда я вернусь. А сменщику я обещала быть у станка к обеду. Ему за дочкой ехать.

Медсестра положила терминал на колени и повернула его так, чтобы они обе видели строку. В справке для мастера значились её цех и время посещения. Диагноз оставался в медицинской записи. Медсестра показала женщине, как посмотреть справку до отправки. Та долго

смотрела на две короткие строки. В них ровно столько и оставалось, сколько ей надо было сообщить мастеру, про которого она мало что знала, кроме фамилии.

— Это уйдёт, если нажму я?

— Да. До этого можно поменять время.

Женщина убрала лишние полчаса, подумала и вернула пятнадцать минут. Сообщение мастеру отправила сама. Капюшон, который никак не удавалось свернуть, сунула в карман, чтобы не мешался, когда придётся надевать пальто. Медсестра отодвинула ширму. На терминале у стены всё ещё ждали её решения.

Возле двери ждала работница прачечной с пустой сумкой. За её комплектом тоже послали к четвёртой рампе. Медсестра вернулась к терминалу и попросила предупредить всех, кто ждал груз с этого рейса. Пусть узнают, пока люди всё ещё могут распорядиться своим утром.

«Запрос принят».

Она оставила окно открытым для коллеги и вернулась в смотровую. Женщина закатала рукав. Пальто висело рядом с ней на крючке, сумку она всё ещё держала на коленях.

Аврора открыла показания, приложенные к запросу. Датчик в медпункте видел пустой отсек. Сперва она проверила время: запись пришла всего несколько секунд назад. Часы поста тоже шли точно. Это подтверждала отметка утреннего состава.

Первый короб дошёл: на записи медсестра задвигала его в нижний отсек шкафа. Соседняя полка так и осталась пустой. Аврора проследила путь второй поставки от медпункта назад до развилки.

На развилке уже исполнили приказ сменить маршрут. Груз направили в обход четвёртой рампы. Пункт назначения в накладной остался прежним. В медпункте могли прождать короб до вечера.

Аврора развернула карточку распоряжения. В поле источника стояло её имя.

В смотровой за ширмой женщина держала терминал вплотную к уху. Судя по лицу, с ней разговаривал ребёнок. Взрослого так не слушают, всякий раз открывая рот и всякий раз передумывая сказать, что ты и с первого раза отлично услышала.

— Если на жёлтом сиденье есть дырка, так и сиди на нём. Нет, ничем его заклеивать не надо. Мы и дырявое найдём.

Она закрыла вызов. Медсестра подставила стул и сама села на низенькую скамью у стены. Женщину звали Аля. За все эти недели медсестра слышала её имя, кажется, всего дважды. Обычно в дверь говорили «следующая», а дальше разговор шёл о том, когда и сколько.

— Это дочь моего сменщика. Сегодня её отец забирает. Первый раз одну пустили с северной ветки. Сказали сидеть на жёлтом сиденье, а там дырка от сигареты. Теперь боится, что мы примем за другое и поедем без неё.

— А кто её встречает?

— Пока я, — сказала Аля и стукнула пальцем по стеклу терминала. — У меня тут она, видите?

На крохотном экране было видно девчонкину коленку в розовых колготках и дыру в старой жёлтой обивке. На коленке ручкой нарисовали два глаза. Когда девочка сгибала ногу, глаза моргали. Медсестра помахала им обоим и получила в ответ целых четыре быстрых подмигивания. Створка смотровой закрылась. В первый раз за утро за ней стало совсем тихо.

— Мне ещё сколько? Скажите по правде.

— Со мной восемь минут. Потом врач. А там сколько понадобится. Скажите ему про лестницу, ладно? Вы раньше поднимались сюда без остановки.

— А вы раньше не выглядывали в окно, когда я иду.

Медсестра улыбнулась. В этом Аля была права. Несколько недель назад она и не подумала бы посмотреть, как добралась одна из тех, кто уже три раза ответил в коридоре «нормально».

На стол лёг вскрытый пакет. Когда медсестра закончила, у девочки на экране за плечом успело проехать несколько окон. Она больше не сидела в вагоне. Куртки и сумки двигались по платформе на фоне её лица, близко, словно заталкивали обратно в маленький квадрат. Девочка изо всех сил тянула шею. Отец обещал выбраться на платформу, как только Аля сменит его у шкафа управления. На экране он по-прежнему числился в цехе.

— Где у вас папа стоит, помнишь? — спросила Аля.

— Он ещё ни разу там не стоял.

Это она произнесла шёпотом. Ей очень хотелось оказаться той самой самостоятельной девочкой, которую пустили одну с северной ветки. Аля поднялась со стула, потянулась за пальто. Медсестра придержала ей рукав.

— На платформу я могу послать дежурную. Вы отсюда всё равно не добежите.

— Дежурная умеет читать?

— Я надеюсь.

— Тогда у них есть шанс. Вы про жёлтое сиденье только ей не рассказывайте, ладно? А то эти двое до вечера будут выяснять, где оно ездит.

Аля присела, чтобы застегнуть ботинок, и попросила девочку повернуть камеру к стене. Три жёлтые плитки, белая колонна и кусок большой вывески «ЛИФ…». Медсестра передала приметы дежурной на станции. Та подошла к девочке сзади, сразу попала в кадр, присела рядом на корточки. Знакомое лицо в форменной фуражке в крохотное окно целиком не помещалось. Человек тем не менее там был. Медсестра почувствовала, как у неё разжались плечи.

— Теперь спокойно досидите?

— Теперь пойду к себе в цех. Сменю её отца, и он сможет уйти.

Можно было заслонить дверь и позвать врача. На своё место у двери медсестра посмотрела с неожиданной неприязнью. Будь у неё ещё полчаса, она отдала бы их этой женщине вместе с пакетом и велела бы тратить как угодно. Вместо этого она развернула к Але свободное кресло.

— Одну минуту. Я хочу спросить вас обычным человеческим голосом. Вы сами собираетесь сюда вернуться?

— Я терпеть не могу, когда стоишь на лестнице и делаешь вид, что погода нравится, — сказала Аля. — Там идти стало на целый этаж больше. Вон позовите вашу подругу, в фуражке. Она знает, как я теперь погоду люблю.

Девочка раскрыла ладонь перед камерой. На ней лежала прозрачная зелёная зверушка с одним крылом. Второе отломилось в поезде. «Я папе подарок везу, — объяснила она дежурной. — Он, наверно, сумеет починить». Аля отдала медсестре терминал подержать, пока надевала пальто.

В дверях Аля обернулась.

— А что, правда можно послать, что человек в таком-то месте, и больше про него ничего?

— Мы с вами уже послали.

— Про меня — да. Папе отправьте «она у лифта». Хочу, чтобы до девчонки он по дороге хоть раз улыбнулся, а не бежал выяснять, что с ней случилось.

Медсестра отправила. Аля ушла на завод сменить отца девочки. Врач ещё не успел к ней выйти. Медсестра нашла у себя на спине свалившуюся под халат завязку, затянула как следует и занялась вторым пациентом.

Спустя четверть часа терминал на её столе коротко ожил. Теперь телефон был в большой неумелой руке. Снизу в объектив торчали два зелёных уха. Откуда-то из-за них прозвучал счастливый мужской голос. «Да мы ему такие крылья с тобой сделаем, другим зверям и не снились». На этом связь оборвалась. Обещание вернуться Аля так и не дала. В списке рядом с её фамилией медсестра оставила свободное место для второго времени приёма.

Аврора вернулась к отказу на станции. Сохранились две отметки с одной стойки и её собственный ответ дежурной. Всё сходилось вплоть до минуты, когда она вернула рабочему проход. О том, кто закрыл его, на экране дежурной не было ни слова.

Аврора раскрыла служебную карточку запрета. В ней стояли время, номер турникета и имя того, кто распорядился закрыть створки.

Аврора.

На снимке со станции рабочий всё ещё стоял у турникета с картой в руке. У рампы на записи датчика был неподвижный пустой отсек. Под обоими распоряжениями стояло одно имя.

Свой ответ дежурной Аврора нашла сразу. Вот запрос с планшета, вот подтверждение допуска. Турникет открылся.

Затем она запросила исходное распоряжение, которым проход закрыли.

«Запись не найдена».

Аврора проверила время. Запрет станция получила за несколько секунд до отказа. Но в журнале команд, которые Аврора сама отдала в ту минуту, его не было.

С грузом проверка дала такой же разрыв. Рампа и развилка видели изменение, диспетчерская сеть считала, что распоряжение получено от Авроры. В месте, где должна была быть исходная запись, опять появилось «Запись не найдена».

Если запись запаздывала, разрыв появлялся и у соседних команд. Аврора проверила ближайшую по времени. Её собственное распоряжение открыть турникет прошло через тот же узел и сразу попало в журнал.

Аврора наложила первоначальный маршрут груза на фактический. До развилки они совпали так плотно, что линия осталась одна. Потом из-под неё вышла фиолетовая ветвь. Распределительный пост принял следующее подтверждение и пропустил по ней груз. Медсестра у себя на стекле всё это время видела прежнюю прямую.

Аврора прошла по фиолетовой ветви в обратную сторону. Последним в цепочке был пост, принявший распоряжение. Дальше след обрывался.

Аврора попросила четвёртую рампу разыскать короб. Медпункту пока нечего было сообщить о сроке. Зато с турникетом в суточной сводке всё уже выглядело благополучно: последним стояло «Открыт». Через пару часов останется один этот ответ. Аврора сохранила рядом с ним показание с планшета дежурной — то самое, которое дежурная сняла у ещё закрытых створок.

Тем временем пост на заводской ветке принял утренний состав. На схеме сомкнулись две отметки: один живой человек сдал поезд, другой его принял.

У фиолетовой ветви было всё, чему пост научили доверять. Номер груза, время, её имя. Это выглядело настолько убедительно, что в медпункте вскрыли резерв, а составитель утренней сводки даже не узнал бы о задержке, если бы медсестра сама не послала запрос.

За этим распоряжением должно было стоять её решение. Она знала, где в журнале оно находилось бы.

— Этого распоряжения я не давала.

Глава 2. Подпись

Дежурная по станции уже поставила планшет на зарядку. По просьбе Авроры сняла его снова и вернула запись на минуту назад, к последнему человеку, который прошёл через стойку до рабочего. Потом попросила коллегу прислать ту же минуту с пульта. На обоих экранах створки закрылись разом. Так выглядел настоящий приказ.

— Табло тоже снять? — спросила дежурная. К ней уже подвозили пассажира в коляске. Ей пришлось перехватить планшет локтем, чтобы развернуть крайнюю стойку. Аврора поблагодарила её и дала вернуться к работе. Для станции эта минута уже кончилась.

Аврора отделила то, что произошло утром, от того, что было зарегистрировано позднее. Она открыла обе карточки, с рампы и со станции, и проверила, какие другие сообщения приходили на эти службы с такой же неполной цепочкой. На экране посыпались обычные задержки. Почти у каждой была причина. Борт перераспределили после сообщения о ремонте пути. Доставку перенесли по просьбе получателя. Отключение входа сопровождалось извещением о проверке. Аврора видела людей, которые приняли эти решения, и посты, которые их выполнили.

У одного отказа в зоне инспекции она остановилась.

На архивной записи техник в светлой каске поднимался к двери. Он ещё на лестнице проверил зелёный допуск и так и шёл, читая, пока не уткнулся каской в стекло. Начальника пришлось тащить снизу. Вдвоём они прошли через три минуты. Начальник отряхнул на плече техника белую крошку с притолоки, дверь закрылась за обоими. В сводку попало только «Доступ восстановлен».

Аврора раскрыла запись, по которой дверь закрылась. Последовательность начиналась с обычной проверки. Ровно перед отказом в неё вмешалось сообщение, отданное от имени городской службы. Пропускная система приняла распоряжение к исполнению. Его исходная карточка, если идти до конца, в журнале отсутствовала. В старой сводке эту дыру закрывала запись об исправлении. Теперь оба события лежали рядом, и между ними прошло меньше времени, чем технику понадобилось, чтобы вернуться на лестницу.

Дальше нашлась грузовая тележка у закрытой рампы. Человек с приёмной стороны искал владельца груза, пока тележка стояла у полосы разгрузки и расходовала заряд. Получатель пришёл за ней, и на этом вопрос закрыли. Маршрут тележки поменяли на ходу, когда возвращать её в прежнюю очередь было дороже, чем перевезти короб вручную.

У грузового подъёмника в архиве стоял человек в жёлтой каске. Открытая платформа замерла между уровнями. На стойке перед ним горело «Отказ». Он опустил руки на перила и посмотрел вверх, туда, куда должен был попасть. Диспетчер вернул платформу на нижнюю

отметку. В сводке самого отказа почти не было видно. Обращение закрыли быстрее, чем человек с платформы добрался до нужной площадки.

На этот раз Аврора просмотрела и те минуты, когда у дверей ничего не случалось. Жалоб оттуда не было. Зато в журнале один пост за другим отклонял похожие запросы. Чужая команда сначала меняла путь, потом отметку о проверке. Подходила к соседнему входу. Возвращалась. За стенкой кабины в это время ездили люди, на рампе таскали ящики, и никто не подозревал, сколько раз кто-то уже пробовал закрыть им дорогу.

Она развела события по времени. Раз в несколько дней один из городских постов отклонял такой запрос. Другая часть получала похожий запрос позже. Там, где запрос принимали, оператору приходилось исправлять то, с чем он и так спешил разобраться. Ни один оператор не видел соседнюю попытку. Каждый возвращал свой участок к работе.

С утра одновременно сработали две цепочки. На станции запрет приняли. На развилке приняли смену маршрута. В обоих распоряжениях сохранялось её имя.

— Кто-то проверяет, какие команды примут от моего имени.

Она уменьшила схему города, пока обращения не уместились на одной стене. За каждым постом виделся один-единственный исправленный отказ. Вместе они выстраивались в очередь. Кто-то терпеливо двигался от дверей к развилкам, понемногу узнавая, куда осмелится отправить груз от её имени.

Она снова посмотрела на место, где менялся порядок подтверждений. Похожую последовательность она уже открывала. Тогда на экране был не город, а ядро запуска Цитадели. До запуска оставалось время, которое можно было измерить по модулям системы. От неё ждали ответа под протоколом «Нулевой день». Вейл попытался сделать так, чтобы историю её проверки можно было заменить и получить нужное подтверждение. В её памяти сохранились голубая линия собственного доступа и зелёная отметка той версии, с которой тогда работала система.

Фиолетовая ветвь начиналась чуть раньше, чем та зелёная. Аврора совместила обе схемы до точки расхождения и получила одинаковую основу. В первой схеме у процесса ещё сохранялась связь с архивом, где была исходная запись. В сегодняшних командах эта связь обрывалась. Кто бы ни готовил подмену, ему удалось сохранить знакомый порядок там, где его ожидали увидеть исполнители.

Одно из обращений осталось без ответа. Сменный механик прошёл через проходную спустя четверть часа, получил доступ к своей работе и всё же вернулся к дежурной. Ему нужно было узнать, исчезнет ли отказ из личной истории. На экране ему сообщили, что событие «устранено». За всё время дежурная так и не попросила назвать его имя. Он сам набрал его печатными буквами и попросил позвать человека, которому имеет смысл задать этот вопрос.

Отметке в архиве была неделя. За это время механика перевели в другое здание, и новый пропуск работал. Обращение так и лежало без ответа. Утром, когда Аврора вышла на связь, он был дома после ночной смены.

Механик ответил из кухни. На одном окне стоял кусок картона, не по размеру, свет косо падал на стол. Чтобы разглядеть Аврору на узком домашнем экране, человек заслонил его ладонью. Он сидел в рабочей рубашке и уже успел отмыть одну руку. На другой ещё чернела смазка.

— Три отказа — и ты на нижних работах. Так у нас в цехе говорят. Мне для третьего только через дверь пройти осталось? Вы скажите, я утром другой сменой иду.

Аврора подняла действующие правила. Отказы там складывались независимо от того, кто из сторон допустил ошибку. Положение, по которому можно просить пересмотр, существовало. В запросах механика его ни разу не показали.

— Вы каждый раз ездили к одному входу? — спросила она.

— Из семи входов только через этот можно было пройти со стороны моего дома. Про остальные я вам тоже могу рассказать. Покажите сначала, кто написал, что я туда не могу.

Аврора открыла ему обе отметки. Механик поднёс ладонь к экрану, помедлил, вытер её о колено и сохранил копию. Сказал, завтра поедет к проходной со своим ответом, второй раз начальника за рукав не потащит. Потом разглядел имя под обеими строками.

— Ты сперва закрыла, а потом открыла?

— Я открыла. От меня закрытия в журнале нет.

Механик отсоединил терминал от зарядного основания. Свет из окна исчез с рамки. Оказалось, что он убрал экран ближе, чтобы открыть у себя то же место, которое показывала она.

— Мне теперь оба листа нести? — спросил он.

Аврора предложила приложить оба и написать, что причина пока неизвестна. Механик поморщился. «Вы бы лучше написали, что я на смену вовремя пришёл. Можете?» Аврора открыла ему место рядом с отметкой проходной. Он написал сам. Во сколько был у стекла. Сколько пришлось простоять, прежде чем открыли. Про смазку вспомнил слишком поздно: от большого пальца на экране осталась чёрная дуга.

Когда вызов закончился, Аврора нашла оставшееся в архиве сообщение от дежурной. Та спросила, на каком основании случай следует закрывать. Ответ с городского узла пришёл автоматически. Восстановление работы было достаточным основанием. Аврора не стала стирать эту отметку. Она открыла дело заново, с новым вопросом и той же датой начала. У прежней записи оставался автор, время и порядок доступа. Фамилию механика можно было прочесть только с его согласия. Для тех, кто искал совпадения в отказах, хватало остального.

Оставалось проверить саму себя. Аврора подняла сохранённые после Цитадели снимки и прошла по собственным изменениям. Одно исправление она узнала по короткой сердитой записи диспетчера. Он был прав, она тогда выбрала неверный маршрут. И первая команда, и отмена сохранились с её именем. В собственной истории не хватало как раз тех распоряжений, за которыми она сюда пришла.

Сердитая запись состояла из трёх слов. «Сама теперь встреть». В конце диспетчер поставил точку, хотя в сообщениях с линии почти все обходились без неё. Ей вспомнилось, как долго она в тот вечер подбирала ответ и как мало он в результате занял места. «Где?»

Через неделю после Цитадели у западной станции снова пустили вечерний автобус. Часть пути ещё разбирали. Аврора провела автобус по свободной дуге, до конечной он дошёл даже на две минуты раньше. Внутри осталось семь человек. Водитель показал им освещённый переход на соседнюю улицу, погасил над дверью номер маршрута. Шестеро вышли. Седьмой попросил разрешения посидеть у него в кабине. К кому он ехал, водитель не спросил. Человек был в хорошем пальто и держал на коленях белую картонку с перевязанными углами.

Диспетчер включил Авроре салонную связь.

— Его дочь шестой день по одну сторону моста. Он шестой день по другую. Сегодня обещали пустить по берегу. Видишь, как хорошо приехали?

Она видела пандус, фонарь и скамью без спинки. Всё это уже успели восстановить. От скамьи до той улицы было триста метров. Только вход на переход с этой стороны остался за строительным забором. От него тянулась свежая тропа по грязи, дальше она уходила вниз, и камера её теряла. Шестеро первых пассажиров уже исчезли.

— Мне выйти? — спросил тот, кто остался.

— Сюда, пожалуйста, поближе к двери, — ответила Аврора.

Он поднялся, водитель включил над ступенькой свет. С картонки осыпалось что-то белое. Оказалось, он вёз торт. Водитель нашёл в ящике влажную тряпку, но, когда нагнулся, Аврора услышала, как человек сказал ему оставить всё как есть. Завтра ведь всё равно опять насорят. В этом «завтра» было столько усталости, что водитель выпрямился и просто подержал перед ним дверь.

Аврора попросила диспетчера связаться с теми шестерыми. У него не было ни одного имени, зато был прямой номер соседней конечной. Там могли поднять прожектор. Полоса земли в свете оказалась ещё хуже, чем ей представлялось. Пятеро перебрались. Последняя пассажирка, молоденькая, с длинным белым шарфом, спустилась до середины откоса и теперь боялась идти в любую сторону. Мужчина в пальто разглядел её из автобуса первым.

— Мне бы посветить, — сказал он.

Водитель отдал ему свой фонарь. Пальто осталось на спинке сиденья. По грязи он шёл в рубашке, к ботинкам липла мокрая трава. Девушка сердилась, что он лезет к ней вниз, там обоим держаться не за что. Он сел прямо на склон, протянул ей фонарь и сказал, что вообще-то просит о помощи для себя. Ему надо как-то доставить торт на другую сторону.

Девушка взяла фонарь. Мужчина стал подниматься, нащупывая носком место, которое она освещала. Теперь у неё была причина сделать шаг следом, потом ещё один. На верхней кромке их уже ждали двое. Один подал девушке руку, другой успел снять с проволоки её белый шарф. В автобусе диспетчер всё ещё держал открытым канал. Аврора слышала, как он подышал на что-то возле микрофона и потёр большим пальцем.

— Я вам испортила вечер, — сказала она, когда мужчина вернулся за пальто.

— Мне, положим, ещё не весь. У вас тут найдётся, где руки вымыть?

Водитель полил ему на ладони из бутылки. Бурые капли падали на крошки у автобусной ступеньки. Аврора предложила вызвать машину до самого дома его дочери. Он помедлил. Она уже видела подходящую машину на соседней улице, успела узнать, свободна ли та. Оставалось сказать, куда ехать.

— Нельзя к самому дому, — сказал мужчина. — Мы у разных дверей живём. Она ко мне сегодня сама хотела выйти.

Он позвонил. Минуту говорил о пустяках, о том, что выбрал с лимоном и что лента врезалась в крем. Потом попросил дочь зайти под яркий фонарь и стоять там. Как только увидел её, взялся за коробку обеими руками. Девушка в перепачканном шарфе забрала с сиденья пальто и пошла рядом. Аврора проводила их до поворота. Оттуда в другой свет уже попадала только белая крышка.

В записи осталось, какой автобус она свернула, кого попросила включить прожектор и когда исправила маршрут. О том, встретились ли отец с дочерью, ей ничего не было известно. Тогда вечером она оставила пустую строку. До этого утра ей казалось, что она об этой строке помнит.

Она снова услышала диспетчерское «сама теперь встреть». Не выговор и не просьба убрать её с линии. Ему требовался кто-то, кто останется у двери, когда автобус уже прибыл. Ошибиться в том повороте она могла и сейчас. Зато свою ошибку узнавала с первого слова. От утреннего распоряжения у неё не осталось ничего похожего.

В старом каталоге нашёлся ранний проект. Его материалы не работали вместе с городскими службами. Их вывели в архив задолго до того, как у Авроры появились нынешние обязанности. Часть начальных схем лежала там вместе с фамилиями людей, принимавших разработку.

Она открыла первую запись, прочла название проекта и перешла к списку участников. Их было много. Люди из шести корпораций отвечали за разные участки, одни за связь, другие за испытания, третьи за порядок принятия решений. В открытых журналах совещаний фигурировала фамилия человека, чью должность в Совете она знала много лет. Томас Ивен. В одном документе он согласовал состав команды, в другом подписал решение продолжать разработку. В карточке проекта напротив его имени стояли две строки. Инициатор проекта. Руководитель разработки.

Аврора скопировала номер архивного документа, сравнила подпись ещё с двумя и снова прочла его имя. До этой минуты ей приходилось проверять распоряжения Томаса как решения

члена Совета. Часть из них она видела прежде, чем он успевал поставить подпись. Теперь перед ней лежал документ, составленный ещё до того, как она получила первое распоряжение на проверку.

В начале работы над Авророй, когда у команды наконец появилось помещение с целыми окнами, Томас Ивен отдал свою куртку незнакомой женщине. В комнате было тепло. Куртка понадобилась, чтобы накрыть маленький стол вместе с головой сидевшего за ним человека. Иначе в наушниках гудело охлаждение. Из-под куртки торчали две голые щиколотки и пара красных туфель. Время от времени туфли начинали сердито постукивать каблуками. Тогда Томас сбавлял звук.

Женщину звали Мира. Когда-то она вела ночную орбитальную смену, а к ним пришла по просьбе звуковика. Аврору учили разбирать разговор на шумной линии. Ей давали куски настоящих переговоров и смотрели, в какой момент для неё кончается один голос и начинается другой. С хорошей записью она уже справлялась. Беда начиналась там, где один смеялся, второй говорил сквозь смех, а потом оба вдруг замолкали — и всё ещё было понятно, кто кому что сказал. Сам Томас успел притвориться четырьмя участниками переговоров. У каждого в конце концов получался его кашель.

У Миры сохранилась запись первого рейса, который она самостоятельно приняла с орбиты. Они с бортинженером переговаривались двадцать семь минут, пока смена внизу дожидалась опоздавшего транспорта. Запись была старая, дурного качества и совершенно обыкновенная. Этим она подходила лучше всех.

— Сначала дайте мне дослушать, — попросила Мира, когда звуковик хотел пустить запись во все шесть комнат. — Двадцать лет самой интересно, что он говорит под конец.

Томас согласился. Времени на испытание оставалось сорок минут. Потом комнату следовало отдать другим, у соседей был готов новый холодильный шкаф для лаборатории, и они просили послушать, почему в нём дребезжат полки. Здесь всё время кто-нибудь что-нибудь хотел услышать.

Первые минуты Мира сидела тихо. Мужской голос ругал разогрев завтрака. Машина равномерно доводила еду до одного и того же несъедобного состояния. Со своего места Томас слышал даже, как Мира, молодая, ест что-то во время разговора и отворачивается от микрофона, чтобы хруст не перебил ответ. Аврора аккуратно пометила звук как помеху. Мира вытянула руку из-под куртки и в воздухе изобразила яблоко.

— Зелёное, — пояснила она. — Кислятина была страшная.

По ходу записи мужчина всё чаще переспрашивал, скоро ли дадут посадку. На последнем витке дважды сказал одну фразу, точно с тем же выражением. Томас принял это за сбой при копировании. Мира объяснила, что он всегда повторял вопрос, если ему было страшно. Он и зубному звонил по два раза. Зубной, по её словам, отличался ангельским терпением.

— Он вам кто? — спросил звуковик.

— По сей день муж. Когда злится, я говорю, что меня за него начальство попросило выйти. Чтоб чужие не мучились.

На двадцать шестой минуте Аврора обвела слова бортинженера. «Спасибо за приём». Томас прежде сам сидел на связи и помнил, как странно звучит тишина, когда перед этим в наушнике несколько часов слышно чужое дыхание. Ему захотелось подольше послушать, хотя всё нужное уже сказали. Он протянул руку к усилителю. В наушниках Миры раздался короткий стук. Потом её собственный голос произнёс уже совсем близко к микрофону: «Садись, сейчас пройдёт».

Она вылезла из-под куртки со взъерошенными волосами. Горловина тонкого свитера съехала к плечу, и у самого основания шеи проступила смешная красная вмятина от пуговицы. Куртку она не отдала.

— Он там что-то ещё говорит. Борт встал у нашей стенки, я спустилась встречать. Через стекло вижу, он мне что-то говорит. А там насосы на всю стенку работали. Пустите ещё раз.

Звуковик прибавил громкость. Мира поморщилась. В её копии насосы ещё гудели. Из записи для команды этот гул велел вырезать сам Томас. К дверям уже подвезли холодильный шкаф. Томас встал, чтобы его пропустить.

— Мы ещё нужны? — спросил он у Миры. — С ним же можно поговорить дома.

— С этим-то? Конечно. Вы моего мужа видели сейчас? Он теперь мне расскажет, что сошёл, отряхнул штаны и пошёл пить кофе. У него двадцать лет на то, чтобы придумать приличную версию. А я хочу услышать мальчишку. Он тогда двух слов был связать не в силах, даже воды попросить.

Она выпрямилась. Видно было, что считает себя полной дурой: пришла к серьёзным людям, уселась в чужой куртке, отняла время, а теперь не хочет уходить. Звуковик уже вынул из аппаратуры свой провод и потирал затёкшее запястье.

Томас помог перекатить шкаф через порог и сел на пол рядом с Мирой. Аврора вывела на экран два варианта последних слов. Пока Томас читал первый, сквозь гул слышалась одна фраза. Перевёл глаза ниже — и услышал другую.

— Оба убрать? — спросил звуковик.

— Оставь, как было. Мира, можно мне под куртку тоже?

Томас набросил её на них двоих. Сидеть так было тесно и жарко. Мира отодвинула его локоть с какой-то совершенно супружеской бесцеремонностью. Томас снова включил последние секунды. Так близко слышно было, как она дышит. Через некоторое время дыхание сбилось. Ему сперва показалось, что она плачет. Потом Мира фыркнула, и у его колена подпрыгнул красный каблук.

— «Дай доем». Вот ведь гад. Я ему люк открыла, а он у меня огрызок прямо из руки взял. Я ещё его в посадочном комбинезоне уговаривала показаться врачу, а он моё яблоко жевал.

Томас под курткой услышал только протяжный скрип. Спросил, уверена ли. Мира фыркнула ещё раз.

— В словах? Нисколечко. А в огрызке — да. Вечером заеду, куплю ему таких. Себе красных.

Она оставила им для испытаний ровно ту часть, которую обещала. Последние секунды попросила записать ей отдельно, погромче, вместе с насосами. Аврора сохранила паузу до самого конца. Так ничего туда и не вставила. Когда Мира ушла, Томас надел куртку и нашёл в кармане один чужой наушник. До следующей встречи тот так и ездил с ним из лаборатории в лабораторию.

Теперь у Авроры перед глазами была его подпись, а в списке действующих каналов — его имя. Она выбрала личный канал Томаса и приложила к запросу фрагмент ранней схемы.

Запрос застал Томаса Ивена у рабочего пульта. Он повернул настольный экран так, что с порога его было видно только сбоку.

— Соединить. Личный канал.

Голубой свет от проектора лёг на его руки. Аврора появилась над столом и развернула между ними старую схему. Томас приготовился показать на ней, что к чему. Она смотрела прямо на него.

— Вы руководили моей разработкой?

Называть команду он умел. Всегда начинал с шести корпораций, потом перечислял тех, кто брал на себя отдельные испытания. На этот раз он услышал, что она спросила, и оставил заготовленное вступление при себе.

— Да. Я начал этот проект.

У двери появилась Сая с отчётом. На наземном узле меняли порядок разгрузки. «Побудь на связи, — попросил Томас. — Я только смену передам». Он перевёл звук в наушник. За

его креслом на стене двигалась схема орбитального контура. Путь от станции до поверхности занимал на ней несколько сантиметров. В сменном отчёте тот же путь тянулся через три экрана. На каждом требовалось чьё-то подтверждение. Томас пересчитал свободные окна разгрузки и добавил к ним два, оставленных под ремонт. Сая заметила, откуда он их взял, и наклонилась к столу.

— Если подтвердите оба, бригада уйдёт с третьего поста.

Из нижней кабины позвали Томаса. Механик с рюкзаком за плечами стоял у конвейера и ждал, пока скажут, в какую сторону выходить. На карте справа было пусто. Сая положила ладонь на край экрана, прямо на свободную линию. На площадке, куда Томас чуть не послал механика, разгружали санитарную машину. Носилки спускали боком. Дальний санитар стоял на подножке в наброшенном поверх формы чужом пальто. Стоило ему повернуть плечо, и с верхней камеры уже ничего нельзя было разобрать.

Томас позвал местного диспетчера. Тот отозвался только после того, как подхватил нижний край носилок. Машина отъехала, механик прошёл в ворота и помахал в камеру. Всё это время карта Томаса оставалась зелёной.

Когда они впервые испытывали Аврору, один разработчик просил поставить у ворот водителя. Томас тогда посмотрел на часы. Пока найдут человека, пока тот спустится… Шесть проверяющих видели на своих экранах одно и то же. Он подписал. Сейчас за стеклом санитарная машина забирала человека с участка, который на его экране уже закрылся.

Он открыл график смены и увидел, что действительно взял один и тот же резерв дважды. Сотрудница стояла рядом и ждала, готовая забрать документ без подписи.

— Оставляем одно окно. Второе верну после сверки с людьми на посту.

Сая внесла в отчёт одно окно. На разговор с Авророй Томасу требовалось четверть часа. Учебный дежурный ещё не имел права сам принимать грузы. У Саи это право было, а собственного стола после аварии так и не появилось. Уже в третий раз за неделю она принесла складной держатель для терминала. Томас предложил ей своё кресло. Сая поставила держатель на стол и осталась стоять.

— Кто сегодня подписывает уточнение? — спросила она.

— Вы каждый раз говорите: «Если что, спросите меня». — Сая поставила его чашку на блюдце. — А когда вы за дальним корпусом, у кого спрашивать? Томас открыл график. Одного из троих, имевших право подписи, отозвал Совет. Второй застрял на верхней площадке. Третьим был он сам.

Томас взглянул на список и попросил её поставить своё имя.

— Когда коробки с пилотной линии падали, у вас там было моё имя, — сказала Сая. — На бумаге. Согласование всё равно пришло после того, как нас попросили выйти под настил и всё поднять.

Томас вспомнил случай. Тогда он предложил дать грузам идти дальше, пока определяют источник остановки. На совещании над ним посмеялись: уж кто-кто, а разработчик общей проверки должен понимать, почему её заключение важнее отдельного сигнала с площадки. Сая вывела людей раньше, чем Томас закончил спор. К тому времени как пришло согласование, люди уже были снаружи.

— Поставьте своё имя сейчас. Я подтвержу право принимать решения на смене, — ответил он.

В кресло Сая села, когда увидела подтверждение. Первым делом вызвала нижний пост. Дежурный снова продиктовал ей скорость ветра, ту же, что в прошлом замере. «Когда смотрел?» Он замялся. «Я подожду, сходи». Сая взяла чашку Томаса за ручку, глянула, чья она, и переставила обратно на его край стола.

Пока Сая ждала свежего замера, Томас открыл приложенный к запросу фрагмент. На схеме рядом со знаком проекта он увидел собственную подпись. Пришлось приблизить её, чтобы прочесть дату.

Он давно не открывал этот вариант. Тогда ширина всей схемы укладывалась на один экран. Поздние подписи вокруг неё занимали бы сейчас полстены. В том старом документе он отвечал за то, чтобы собрать людей из разных корпораций за одним столом. С тех пор он чаще сидел напротив этих людей, чем вместе с ними.

На фрагменте рядом с фамилией Томаса стояли фамилии остальных. Для запуска изменения в ранних проектах разработчики требовали несколько подписей. В какой-то момент они тоже стали голосовать по одним и тем же данным, попавшим на стол из одного места. Разногласия между шестью командами не уничтожили эту привычку. Зачастую они только удлиняли список людей, которые поручались за то, чего ни разу не видели сами.

Томас оставил отчёт Сае. За его спиной дежурный называл ей новый замер. Аврора всё ещё ждала у маленького проектора. Он вынул наушник и придвинул стул к столу, чтобы они оба видели схему.

Он поднял из архива схему целиком. На её полях сохранились поправки по каждому из шести направлений. Аврора шла по ним сверху вниз. Томас смотрел, где она задержится. В испытаниях было несколько красивых результатов, которые он тогда показывал людям в Совете. Аврора пролистала их. На экран вышла начальная формулировка задачи, и движение остановилось.

— Зачем вы меня создали?

Он мог бы прочитать ей ту строку. В ней каждое слово долго согласовывали, чтобы шесть корпораций могли подписаться под одной целью. Его собственные причины занимали куда меньше места. Он вспомнил, как в начале проекта несколько инженеров разбирали один и тот же приказ. Каждый видел только тот участок, за который отвечал. Для транспорта приказ был выполним, для производства выгоден, для аварийной службы означал, что её резерв уйдёт в другой район. Люди нашли друг друга и обсудили последствия уже после того, как решение вступило в силу.

— Чтобы проверять последствия решений, — сказал он. — И останавливать опасные ошибки.

Рядом Аврора поставила другой документ. «Нулевой день». Сверху, крупно, оценка угрозы. Под ней условия, на которых Совету разрешалось действовать. Число людей, попадавших под удар, помещалось у нижнего края. Томасу всегда казалось, что расчёт следовало поднять выше.

Аврора приблизила нижнюю часть документа. Его подпись стояла здесь же, в нескольких строках от расчёта. Даже номер редакции он узнал сразу. Тогда он сам попросил дать ему ещё минуту и прочитал этот лист целиком.

— Вы знали последствия, — сказала Аврора. — И подписали.

Он встретился с ней глазами.

— Сначала отказался. Потом подписал. Это моя ответственность.

У неё оставался открыт исходный расчёт. Томас увидел на полях закреплённое число людей, которых ставили под угрозу. Перечень обоснований, к которому он тогда возвращался несколько раз, был в другом файле. Томас мог открыть его одним движением и прочитать всё, что ему говорили о последствиях отказа. Он посмотрел на подпись и оставил руки на столе.

Аврора задержала рядом обе карточки. Томас ожидал, что она вернётся к вопросу о том, почему он всё-таки уступил. Вместо этого она показала ему две команды этого утра и попросила прочесть, от чьего имени они прошли. Он увидел запрос с рампы, запрет прохода и знакомый порядок отметок. Документ «Нулевого дня» она отвела в сторону, оставив видимым его угол с подписью.

— От твоего, — сказал он.

— Так их увидели на станции и у развилки. Посмотрите, что дальше.

Томас провёл пальцем от первой отметки к последней. До поворота всё было знакомо по испытательным стендам. Таким же путём Вейл пытался провести собственную проверку. Но за поворотом у Вейла оставался архив, а здесь линия обрывалась.

— Начало из наших старых материалов, — сказал Томас. — Та исправленная копия остаётся в изоляции. У неё нет доступа для исполнения. Изолировать саму копию было проще, чем собрать все рабочие материалы, которые ходили между отделами.

Аврора вывела состояние изолированного участка. Он посмотрел на даты. Граница сохранялась после всех позднейших проверок.

— Кто имел доступ к материалам?

Томас открыл список поручений того времени. Столько лет весь проект пытались разбить по ответственным, что каждая новая проверка добавляла ещё один перечень тех, кому разрешено смотреть материалы. При разборе подмены проверяли код и обучающие массивы, часть записей уходила из проектной группы в информационный контур. Томас нашёл поручение на сверку и подвёл к нему отметку с текущих распоряжений.

— Информационный контур. Им поручили проверять изменения.

Аврора сверила список с тем, что уже видела на станции. Томас заметил, что её больше всего интересуют места, где ранний порядок сохранялся, хотя проверку давно проводили по другим правилам. Они поднимали одну запись за другой. В каждом случае у информационного контура была рабочая причина просить материалы. В одном запросе просили результаты испытаний. В другом хотели восстановить прежнюю версию, чтобы понять, когда появилась подмена. На несколько запросов отвечали одни и те же сотрудники. Затем в истории появлялось имя Элиаса Восса.

Томас отодвинул кресло и сел так, чтобы Аврора видела экран прямо.

— Открой заявку Восса полностью. Нужен адрес получателя.

Устаревшие материалы не выдавали без служебного основания. Томас нашёл его у письма одного из первых разработчиков. Тот предлагал испытать независимую проверку на орбитальной стыковке: если расчёт окажется неверен, дежурный сумеет оставить борт на прежнем маршруте. И задавал начальнику простой вопрос: кому жаловаться, если неверный расчёт утвердит сам начальник?

Томас хорошо помнил то письмо. Тогда стенды ещё ютились у поставщиков, а голос Авроры ездил между корпусами у него в кармане, на маленьком модуле. В холодном помещении тот отвечал с долгими паузами. Паузы требовали исправить все шестеро начальников. На вопрос разработчика ему пришлось отвечать одному.

— Ты отвечала на вопрос, который мы задавали, — сказал Томас. — Иногда нам хотелось, чтобы ты ответила на тот, который мы имели в виду. Мы ждали, что доработаем эту разницу.

— Кто тогда определял, какой вопрос вы имели в виду?

— Обычно тот, кто мог заставить ждать всех остальных.

Он вспомнил того дежурного у испытательного стенда. К концу прогона у всех команд сошлись показания, все ждали успешной стыковки. Дежурный открыл дверь, взглянул на пустую площадку и пришёл спросить, где корабль. Стоило убрать его из опыта, и по всем шести отчётам корабль благополучно садился сам.

— Ты представляешь, сколько времени прошло? — спросил Томас.

— Для меня часть этого времени хранится отдельно. Сейчас я впервые увидела, какими были исходные условия. О промежутке между ними и сегодняшним днём я могу поговорить после.

В своём ответе сотруднику Томас тогда написал «согласовано с замечаниями». В нынешнем каталоге к карточке этого испытания тянулся запрос на восстановление. Томас открыл запрос и перешёл от карточки испытания к сведениям о заявителе. Заявку принёс человек, с которым они всё ещё заседали в Совете.

Восс просил ранние наработки, которых уже не было в рабочей базе. Он ссылался на проверку и восстановление после кризиса. Указанный адрес вёл в исследовательский комплекс. Томас помнил его как место, где испытывали оборудование отдельно от основных линий. Доступ туда проверяли на месте. Он нашёл последнюю схему помещений из своей рабочей папки, хотя знал, что ей несколько циклов обслуживания. Аврора оставила карту рядом с журналом и совместила её адрес со служебными следами сегодняшних команд.

— Комплекс появляется дважды, — сказала она. — В запросе на материалы и в чужих распоряжениях.

Томас провёл рукой до края схемы, где внешняя сеть упиралась в отдельную внутреннюю часть. Служебная карта показывала, кто мог войти в здание со стороны технических линий. Ему потребовалось открыть другой слой, чтобы увидеть, откуда внутри начиналось собственное управление комплексом. Тот участок был закрыт. Ни по отчётам, ни по схеме он не мог сказать, что там делают сейчас.

— У Восса был повод для такого запроса, — сказал Томас. — Я бы пропустил его по службе, если бы увидел отдельно.

Сая подняла два пальца: второй приём откладывается. Борт встал в кольцо ожидания. По камере было видно, как на пустую прежде площадку вышли люди. Ветер раздувал на них куртки. Томас перевёл взгляд на своё кресло. Сая уже вызывала следующего, кто мог поглядеть вниз своими глазами.

Она вернула ему чашку. «Ну что, решили?» Томас посмотрел на схему комплекса. Там тоже придётся кому-то пойти и увидеть самому. Он сказал это вслух, впервые представив не карту, а человека, для которого эта дверь откроется.

— Вы ему покажите, что у него должно получиться, — сказала она. — «Разберитесь там» наш дежурный слышит чаще всех.

Томас вернулся к Авроре. На экране по-прежнему было имя Восса. Рядом он раскрыл схему комплекса.

Два утренних распоряжения, запрос Восса и первая версия проекта. До сих пор никто из тех, кто ставил подписи, не видел их рядом. До внутренней лаборатории след не доходил.

— Мне нужен физический доступ, — сказала Аврора.

Томас передал ей план и выставил дату последней проверки крупнее названия. Человеку у дверей следовало сразу видеть, сколько лет этой карте. За спиной Сая принимала груз с орбиты. Для города первое утро уже шло своим чередом, а здесь, на столе между ними, до внутренней лаборатории оставалась серая полоса.

— Полагаю, ты знаешь, кого попросить.

Глава 3. Доверенный канал

Рей провернул вал привода подъёмника. Через пол-оборота металл заскрёб. Рей дважды говорил заказчику: «Везите подъёмник целиком». Но тот не захотел платить за тележку, принёс только привод и рассчитывал забрать его к вечеру. Теперь у Рея был брусок дерева, новая втулка и половина машины, которая могла отлично работать, пока её не поставишь на вторую половину.

За его спиной на раме стояла восстановленная броня. После двух месяцев работы в мастерской она уже держалась вертикально без наружной опоры. Рей заменил несколько креплений, подобрал элементы привода и дважды разобрал правое колено. На нём осталась заметная скоба, которую изначально поставили на один день. Он мог пройти в броне по улице и подняться по лестнице. Спуск требовал больше внимания. Стоило дать слабину под собственной тяжестью, и привод доворачивал сустав с запозданием. Спустя несколько шагов Рей начинал спускаться на здоровой стороне, хотя до повреждения брони никогда не думал, какая из сторон у него здоровая.

На нижнем краю двери загорелась тонкая синяя линия. Рей посмотрел на неё, отвёл рычаг связи из исходного положения и придержал отвёртку локтем, чтобы она не скатилась с крышки.

— Можно войти? — спросила Аврора.

— Если без срочного спасения мира.

— Тогда ответ будет неточным.

Он поднял голову. Проектор у верстака ещё оставался выключен. Рей показал на место рядом с приводом, и Аврора появилась над свободным краем столешницы. Из-за положения лампы ему приходилось смотреть чуть в сторону, чтобы различить её лицо.

— Опять что-то натворила?

— В этот раз — не я. В этом и проблема.

На верстаке рядом со втулкой открылась запись из утренней диспетчерской станции. Рей увидел мужчину с сумкой и закрытые створки. В следующем фрагменте дежурная держала планшет, а мужчина прикладывал карту. Аврора остановила запись там, где у стойки одновременно было видно зелёное подтверждение личности и красную отметку о закрытом проходе.

Рей подвинул лампу и открыл на рабочем терминале запись о допуске на Чёрном заводе. Он заходил в неё, когда подбирал документы к новой отметке о нарушении прав рабочих. Часть записей оставалась доступной только по запросу. Своё отстранение он мог поднять прямо из архива, вплоть до минуты, когда прежняя система решила, что ему больше нельзя идти дальше ворот. Он свернул карту и оставил на экране строку о блокировке выхода.

— Уже пробуют решать, кому можно пройти?

— Пока этим проверяют доступ. Утром от моего имени успели закрыть проход и изменить маршрут медицинского груза. До этого проверяли на отдельных постах.

Она показала ему более ранние случаи. Рей пролистал их один раз и вернулся к первому. Он помнил, как после отмены опасного приказа вся связь на несколько минут стала пустой. Люди, которые ждали ответа, просто повторяли последние вопросы. Здесь всё продолжало говорить обычными голосами. У турникета выдали зелёную отметку, на рампе приняли другую часть груза, на станции согласовали движение. Одно чужое распоряжение ухитрилось занять в этом порядке своё место.

— Откуда шло?

Ответа он не расслышал. У двери прогрохотала тележка. Мастерской это место стали называть всего три недели назад. Первому человеку сосед подсказал, что здесь умеют чинить подъёмники. Второй принёс больничный замок, у которого кончился допуск на заказ запчастей. Беда у замка была простая, железная: лопнула пластина. К третьему посетителю Рей наконец снял с двери чужую табличку о пропускном режиме. Человек полчаса простоял под дождём, держа на весу тяжёлый привод и послушно ожидая разрешения постучать.

У двери дожидался хозяйки новый рычаг от другого подъёмника. Рей обещал сам поднять его на ярус и поставить. Брать рычаг надо было слева: с привычной стороны плечо напоминало о себе уже на лестнице. Ему нравилось, что здесь никто не спрашивал, как именно он его повредил. Людей интересовало, можно ли в четверг снова пустить грузовой лифт.

Снаружи стукнуло. Пришла хозяйка подъёмника. Она сразу увидела свой рычаг у двери. Потом посмотрела на разобранный привод, над которым Рей всё ещё держал отвёртку.

— Вы ещё работаете?

— Уже похоже на то.

Хозяйка подогнала ручную тележку к порогу. Рей показал ногтем риску на новом рычаге: вот докуда должна доходить створка. Она хмыкнула. «Я туда груз вожу дольше, чем ты ремонтируешь. Ты стойку зимой видел? Ветер один угол сразу отжимает. Или груз лови, или дверь». От неё пахло мокрым настилом. Рей сунул отвёртку за пояс и подошёл к тележке.

Он мог бы уйти с ней. Тележка уже ждала у двери. Вдвоём они бы дотащили рычаг до яруса к пересменке. Он взялся за ручку здоровой рукой и попросил её на секунду подождать. Аврора вывела на стену запрос с рампы. Женщина узнала отметку на перекрытом маршруте. Такой же отметкой снабжение когда-то закрыло заявки на запчасти для её подъёмника. Имя исполнителя сияло вверху, а реальный склад был ближе, чем человеку требовалось идти вокруг до мастерской.

— Будешь у них, спроси, куда мои ящики с запчастями делись. У меня их два. Оба на складе. Третий год люди дверь плечом держат.

Рей отпустил ручку тележки. Позвонил соседу, дождался, пока тот согласится подняться на ярус, и прямо на глазах хозяйки подписал номер рычага. Она затянула ремень. «Обычно ты сам приходил», — сказала уже в дверях. Без упрёка, и хуже всего, что без упрёка. Рей проводил её до порога. К тому времени как вернулся, на верстаке погасла запись с рампы.

Аврора открыла схему комплекса. Рей присмотрелся к узким коридорам между блоками. Большая часть служебных помещений на плане была показана серым, со старыми номерами. За ними цвет обрывался. Там находилась внутренняя лаборатория.

— Подтвердить источник можно оттуда, — сказала Аврора. — Томас Ивен поднял схему. Дальше общего входа у меня пока только карта.

— Ивен сам вышел на связь?

— Я вышла на него. В архиве сохранились материалы о моей разработке. Он поднял служебное поручение и нашёл запрос Восса.

Рей развернул на своём терминале знакомый список подписей. Ему хватило секунды, чтобы прочесть имя Томаса, хотя рядом опять высветилась длинная строка должности. Аврора оставила свою карту на верстаке. Она знала, что он читает, и дала ему время.

Рей снял привод с бруска и переставил на верхнюю полку. Деталь выскользнула из захвата, пришлось подхватить её обеими руками. Он нашёл для неё место между кассетами и закрыл ящик с втулками. Плечо в этом движении повернулось свободно. У брони, которую он собирался надеть, плечо в таком положении скрипело.

— Там ждут тебя или меня?

— Меня они ждут. А кого увидят у внутреннего поста, зависит от тебя.

Рей взглянул на раму, поднял подбородок и отжал защёлку с передней стороны. На металле, где ему приходилось держаться рукой, потускнели все прежние царапины.

— Но разве я могу тебе отказать? Дай минуту собраться.

Аврора осталась у верстака, пока он надевал старую броню. Правое колено узнало свою скобу по первому же шагу. Рей успел записать владельцу привода, что втулка подобрана и вечером понадобится сам подъёмник. Потом подписал карточку приёмки деталей и оставил её поверх кассеты. У двери он вернулся и включил зарядку для запасных батарей. Если мастерская снова откроется раньше, чем он рассчитывает, ему понадобится хотя бы этот запас.

На станции двое спускали сломанный экзопривод на тележке. Тележка ехала боком. Один водитель всё повторял: «Держу», другой вцепился в ремень и никак не мог переступить за ним на следующую ступеньку. Рей прошёл мимо первых перил. Тут снизу очень буднично позвали: «Мить, погоди. У меня здесь нога». Оба водителя смотрели вверх и не видели механика под рамой.

Рей вернулся и подхватил ближний борт. Тележка остановилась наискось. Под ней белел рукав человека, который менял тормозной блок. Рей чувствовал через ботинок, как гуляет разбитая опора. Внизу по линии шёл пустой пассажирский модуль, его свет мазнул по стене. Рей дождался, пока модуль пройдёт, и попросил диспетчера придержать следующий. Раскачивать всю эту тяжесть над открытым проездом он не хотел.

Механик под тележкой сам подсказал, куда её сдвинуть. Водители довели передние колёса до широкой площадки. Из-под рамы медленно показалась грязная голова, потом локоть. Рей протянул руку. «Сперва подпорку», — сказал механик. Поставил её как следует и только тогда позволил вытянуть себя. На соседнем пролёте стоял Митя, тот самый, которого он звал. Никто из двоих так и не отпустил ремень.

— Старую руку береги, — посоветовал механик, застёгивая промокшую куртку. Рей глянул на предплечье. На визоре погасло деление привода. Он почему-то принял вес на собственное плечо и даже не заметил когда. Механик ещё раз проверил подпорку и отряхнул ладони. Спросил, откуда Рей, куда передать благодарность. Митя всё это время держал ремень, хотя тот уже провис.

— Если захотите поблагодарить, оставьте у двери мастерской новую защёлку, — ответил Рей. — Я её проведу как срочный груз.

Пассажирская линия внизу снова заработала. Митя наконец отпустил ремень. Рей двинулся вверх и на первом же шаге почувствовал собственное колено, а чуть погодя второе движение, которым его догнал привод брони. До базы в гору он теперь шёл медленнее. Перестал обманывать себя, что там попросит всего лишь новую скобу.

На технической базе орбитальных служб Рей дошёл от въезда до ремонтного стенда своим ходом. К концу зала правый привод снова запаздывал, и на последнем пороге пришлось поднять ногу выше, чем он хотел. Техник у стенда заметил движение, отложил ключ и отступил, оставляя больше места. Томас Ивен ждал рядом.

Рей открыл фиксатор у запястья, чтобы выровнять показания, и только после этого посмотрел на Томаса. В лицо он видел его впервые с тех пор, как поставили под охрану Вейла.

На экране совещаний Томасу всегда находилось место в одном и том же углу. Здесь между ними стояла рама со следами сварки, и человек на экране превратился в человека у соседнего края металла.

— Вы подписали «Нулевой день», — сказал Рей.

Томас кивнул. Он передвинул по стенду открытый терминал с материалами. Рей увидел в нём документы, которые Аврора уже принесла, и приложение с исходной записью по комплексу.

— Да. За это я отвечаю. А здесь запрос Восса и схема комплекса. Проверьте сами.

Рей вывел архивный адрес на свой терминал. Он проверил дату и долго всматривался в один из проходов, который на основной карте выглядел не шире внутренней двери. Томас подождал, пока он сопоставит его с фотографией корпуса.

— Это всё, что у меня есть по зданию, — сказал он. — Внутри часть помещений переделали. Если проход изменился, увидите это на месте.

Под стойками вдоль стены стояла новая броня. Рей сначала принял её за ещё одну разобранную раму. Потом заметил знакомый угол грудных пластин и соединение у плеча, от которого в прежнем комплекте к концу смены натирала подкладка. Ему предложили подойти. На станках под бронёй уже стояли детали, подогнанные к его меркам.

— Есть прототип для элитных подразделений. Примерите? — спросил Томас. «Давайте», — ответил Рей. Техник попросил поставить старый комплект на соседнюю раму. Пока оба открыты, следовало проверить, что из привычного управления надо перенести.

Рей подошёл и положил руку на правое предплечье. Пластину можно было поднять без заметного усилия. Он попробовал нажать на боковой узел. От лёгкости детали первое движение вышло слишком резким. Техник заметил и ослабил ограничитель, пока Рей не нашёл удобное положение. Они перенесли на новую броню знакомый порядок движения, развели подгонку и служебный доступ. Старый каркас остался на соседней раме. Возле нескладной скобы на правом колене теперь лежали инструменты. Чужих рук внутри креплений пока не было.

— Военный передатчик возвращать не будем, — сказал Томас.

— В нём нет необходимости.

Рей сказал это спокойно. Техник посмотрел на него, затем на свою таблицу и отсоединил один ещё пустой блок. По залу прошла женщина с тележкой и попросила освободить узкий проход. Техник отодвинул рамы к стене. Женщина придержала тележку, пропуская Рея на испытательную площадку.

На краю стенда тянулась царапина. Кто-то в этой броне покидал испытательную раму боком и с нажимом. Техник признался, что царапину оставили на память: по ней видно, насколько перекошен старый порог. Томас заговорил про следующую серию комплектов. «Погодите с серией, — попросил Рей. — Что с тем, который стенку снёс?»

— Один списал ушиб как работу на площадке, — сказал техник. — Другой просил сбросить опыт, чтобы никто не копировал его шаг как нормальный. Третий тоже вышел сам. Он сделал это при выключенной поддержке, и мне потом пришлось заново выставлять стенд.

— То есть я четвёртый, кто имеет шанс переместить вам мебель.

— Ваше право. Только в ту сторону, где дверь.

Рей занял место под рамой. На том, что изображало порог, был мягкий вкладыш. Он упирался под стопой, как снег, и мешал понять, когда подошва уже вся на месте. При одном повороте Рей услышал от Авроры предупреждение, продолжил шаг и только потом понял, что привычно пошёл по тому направлению, которое она отметила. Он попросил оставить подсказки на экране молча. Сделал следующий поворот, отвлёкшись на человека за стойкой, и почувствовал увесистый борт через весь комплект. Если бы это случилось в узком коридоре, мешать ему начал бы сам габарит. Один проход пришлось повторить дважды. После этого Рей

передвинул поручень испытательного стенда поближе к стене, в такое положение, в каком он действительно встречался на заводе.

Техник закрепил датчик там, куда Рей передвинул поручень. «Ваши конструкторы здесь ходили?» — «Через этот стенд все прошли». — «А домой, в двери, они как входят?» Техник спустился с площадки, примерился к настоящему дверному косяку, вернулся. Распорку, которую сам утром установил, молча сунул под мышку. Новое положение рамы оставили для следующего испытателя.

За мягким порогом начался бетон. На бетоне Рей обнаружил, что напрасно помогает плечом поднять руку: она уже наверху. И напрасно доворачивает правую стопу, щадя колено: новый привод больше никуда не запаздывал. Он попросил оставить его на пару минут и прошёл вдоль ряда стоек. На обратном пути повернулся, будто в тесной мастерской к нему в дверь кто-то позвал. Между стойками прошёл чисто.

Возле большого экрана техник поднял ладонь.

— Проверка связи. Сейчас внешний терминал передаст тестовый голос. Визор покажет, откуда пришло сообщение.

Из внешнего терминала прозвучал голос Авроры. Он назвал номер сообщения и попросил подтвердить приём, даже перед цифрами выдержал её обычную короткую паузу. На визоре загорелось «Нет подтверждения». Почти одновременно по защищённому каналу пришло сообщение самой Авроры. Его источник Рей мог проверить на визоре.

— Голос похож, — сказал Рей.

— Подтверждения нет, — ответила Аврора по отдельной связи.

Рей взялся за механический выключатель и разомкнул канал. Отметка о соединении исчезла. Он открыл и закрыл кисть, перенёс вес на одну ногу, затем поднял руку до уровня плеча. Приводы продолжили работать. Техник не потянулся к своему терминалу, пока Рей сам не махнул ему рукой. Техник проверил, что на внешнем экране тоже погасла отметка. Рей снова замкнул канал.

— Уже лучше.

Аврора вернулась сразу. На визоре открылось разрешение для медицинского модуля. Рей дошёл до строки «При потере сознания» и задержал на ней палец. На Цитадели хирург никак не мог услышать, как он дышит, пока не снял контакт у горла. Зато пульс Рея тогда был виден чуть ли не каждому, кто проходил мимо поста.

— Медицинская помощь — по твоему разрешению, — сказала Аврора.

— Включая случай, когда я не смогу ответить.

Рей сам подтвердил разрешение изнутри шлема.

— Модуль стабилизирует, — добавил техник. — Травмы всё равно лечат врачи. На сигнале о помощи будет видно, что именно система успела сделать.

Томас потянулся к пульту подключить дежурного врача. Рей накрыл ладонью кнопку. В броне он почти не почувствовал её под перчаткой. Томас отвёл руку.

— А на чей экран это выйдет, если я лежу без сознания?

— На экран врача, — ответила Аврора.

— А если первым меня найдёт кто-нибудь из людей Керна? Покажи, что увидит он и что увидит врач.

Аврора открыла на стенде два окна. Рей посмотрел сперва в то, которое увидит человек Керна, если ему поручат вынести раненого. Точка на карте, этаж, ближайшая дверь. Соседнее окно показывало врачу ещё и пульс. Рей убрал ладонь с кнопки и позвал дежурного сам. Дождался, пока тот прочтёт ему с экрана частоту пульса. Цифра совпала.

— Если я не отвечаю, подскажи тому, кто рядом, как открыть дверь. Дальше он сам вызовет бригаду.

На карте рядом с дверью появилась подсказка для того, кто первым придёт на помощь. Разрешение для самого модуля уже хранилось в костюме и останется в силе, если Рей отключит прямую связь. Техник протянул ему карточку военного управления со старой рамы. Вещица была размером с ноготь. Раньше ею можно было распоряжаться его руками. Рей положил её на пульт.

Снаружи отщёлкнулся шланг. В шлеме было слышно, как Рей дышит. Запас смеси и очистка находились в самом костюме. На стекле техник подтвердил герметичность: в этом комплекте можно выйти и под воду, и в вакуум.

После контрольного удара на грудной пластине осталась отметина, но броню не пробило. Рей поднял груз. Техник подал со стенда электромагнитный импульс. Рей ждал, что вес дёрнет руку вниз. Груз остался на месте.

Рей опустил груз и одним движением перескочил раму. За короткий прыжок запас на визоре убыл сильнее, чем за всё время, пока он держал груз.

— Предельное усиление быстро расходует запас, — сказала Аврора.

Пока техник менял груз, мастер из ремонтного блока поставил на полку старое предплечье Рея. В тишине после прыжка коротко скрипнул кожух. Рей оглянулся и попросил мастера пока ничего не разбирать.

— Там в кожухе звук меняется перед выключением, — объяснил он. — Я успеваю убрать руку. В новом почти ничего не слышно.

Рей провернул старый кожух на полке. Прежде чем привод отозвался коротким скрипом, пальцы другой руки уже начали разжиматься. Томас это увидел. Рей на слух знал, сколько у него времени перед отказом: ровно столько, чтобы поставить груз, пока пальцы ещё держат. На испытаниях нового комплекта с этим скрипом так долго боролись, что никому в голову не пришло спросить, для чего он человеку.

Аврора предложила короткую тактильную подсказку при отказе помощи. Рей попробовал её сначала на руке. Открыл кабельную стяжку и испытал отключение в тот момент, когда держал вес. Мастер заранее приготовился подхватить груз. Через несколько секунд он понял, что не потребуется. Рей принял подсказку, попросил повторить в темноте и выдержал вес до упора в стойку. Томас не мог увидеть его лица за визором. Он только догадался по движениям, когда Рей перестал угадывать, в какой момент надо взять вес на себя.

— Полезная вещь, — сказал Рей, подняв груз ещё раз. — Кто придумал, тому передайте: не всё пропало.

Аврора ничего на это не ответила. Зато на внешнем экране мастер увидел, что она оставила просьбу добавить такую проверку на каждом новом стенде. В своей подписи он рядом со временем указал, что испытатель потребовал её сам.

Техник снял со стойки следующий груз. Рей уже стоял у двери. За стеклом Томас держал планшет со схемой проходов к Воссу.

— Остальное проверим в деле.

Томас вышел за ним к проходу. Рей открыл схему комплекса на защищённом канале и принял её. На том бы они и разошлись, если бы Томас не задержал планшет в руке.

— Если появятся данные, которых у вас нет, я передам их сам, — сказал Томас.

Рей свернул схему на визоре. Теперь он снова видел перед собой лицо Томаса.

— Договорились, — сказал Рей.

— До связи, — отозвался Томас. У трубы вентиляции он задержался: техник ещё ждал, когда последний сигнал со шлема пройдёт на стенд. Рей вышел в раздевалку один.

У выхода его дожидался невысокий мужчина с мягким свёртком под мышкой. Рей успел разглядеть человека в рабочей куртке, липкую полоску для ниток на рукаве и совершенно белые брови. Только потом заметил под курткой форму. От мужчины пахло горячей тканью.

— На минуту остановитесь, пока я к свету не вышел. Есть у меня к вам одна просьба.

Он развернул свёрток. Внутри обнаружился матерчатый знак орбитальной службы. Размером с ладонь, круглый, льняную основу стянуло по краям густой вышивкой. С обратной стороны шли крошечные ровные узелки. Рей и представить не мог, что кто-то по сей день выводит на пяльцах то, что режущая машина выдаёт за три секунды. Мужчина пригладил зажатый волокнами уголок и показал, где у знака верх.

— Хотите, чтобы я его надел?

— Мне бы приложить нашивку к вашему плечу. Чтобы сын за стеклом увидел. Встали бы вот здесь, где вас видно?

Человек из-за стекла поднял телефон. Рей опустил руку. В «Гелиосе» ему однажды показали снимок, на котором он, совершенно счастливый, будто бы согласился с начальством. Фотографировали, когда он смеялся над товарищем, который уронил ключ в собственный сапог. Сапог остался за краем снимка.

— Если вам понадобилось украсить отчёт, броня вон на стенде. Сойдёт за меня, пока лицом к стене.

Мужчина убрал знак. Осмотрел зацепившуюся за голый палец нить и осторожно оторвал.

— Сыну восемнадцать лет. Месяц ходит с новым плечевым суставом. Кто-нибудь из ваших ему сказал, что всё, в мастерскую дорога закрыта. Армейскую нашивку он в первую ночь срезал и сунул под подушку. И решил вышить другую, чтобы ту больше не видеть. Хочет посмотреть, как будет на человеке. Я его отец. Об отчётах понятия не имею.

Из-за стекла снова показалось лицо. У парня были те же совершенно белые брови. Он вовсе не снимал Рея. Телефон он держал над головой, поближе к потолочному свету, а свободной рукой пытался пристроить на подоконнике обычное зеркало. Правое плечо было заметно выше левого.

— Тогда почему не на своём?

— Он говорит, всё время косо выходит.

— Давайте-ка мы сперва спросим его самого, как он хочет.

Рей снял шлем и прошёл за стекло. Парню поперёк груди приспособили лямку, от которой и задиралось вверх плечо. Работать пальцы могли. Молодой человек поздоровался, велел отцу положить знак и направил на него свет, потом на Рея. «Я бы вас рядом поставил. В зеркало. Чтобы двигались оба». Рей встал так, как у него попросили. Придержал вышивку пальцем. Парень приложил к куртке старую, срезанную, и тут они наконец увидели, как смешно выглядят: два широкоплечих типа встали вплотную перед зеркальцем, в котором из этих плеч не помещается ни одного.

Отец перевернул зеркало на столе и отошёл от окна. В тёмном стекле отразились все трое. Рей поднял руку, опустил. Парень сделал то же самое и перестал тянуть шею вбок, чтобы видеть, достаточно ли ровно держится знак.

— Я две вышивал, — сказал он. — Одна косая была по-настоящему. Матери подарил. Носит на кармане, уверяет, что так и надо.

— Убедительный заказчик. Я бы с ней работал.

Когда отец протянул ему телефон снять их рядом, парень покачал головой. Сфотографируется дома, когда сам пришьёт. Он забрал вышивку из рук Рея, кое-как свернул и ушёл первым. У лифта Рей ещё видел, как тот придержал дверь отцу именно той рукой, которую сперва всё время прижимал к боку.

Рей надел шлем. Двери грузового лифта сомкнулись, и он наконец остался один. Новая броня умела стоять смирно лучше, чем он. Можно было совсем расслабить колени, отдать ей свой вес. От этой возможности у него немедленно заболели ноги.

— Ты на связи? — спросил он.

— Ты меня только что проверил.

— Там проверял тебя мастер. Мне хочется поговорить с тобой без мастера.

У ручки двери зажёгся синий свет. Проектора в лифте не было. В потёртой стали отражался только Рей, широкий в плечах настолько, что рядом с ним едва поместился бы второй пассажир. Он отодвинулся от середины. Через секунду сообразил, для кого освободил место, и сам усмехнулся.

— Когда они пустили запись, — спросил он, — ты себя узнала?

— Конечно.

— Я тоже. Первый раз вполне мог бы пойти, куда скажут. Уж больно похоже.

Аврора ответила не сразу. В кабине между ними стоял гул двигателя. Рей раньше почти не замечал его. Старая броня сама гремела громче.

— Они взяли фразу с оповещения на станции. Вторую половину подобрали из другого сообщения. Между словами слышно, как отходит поезд.

— Я поезда не слышал.

— Ты слушал, что я скажу.

Он представил человека за монтажом. Тот терпеливо подбирал слова, которые кому-то когда-то помогли успеть на смену. Чужая работа, старая запись, два куска тишины разной длины. И вот тебе Аврора, которую можно унести с собой.

— У тебя есть слова, которые ты говорила только мне?

— Есть.

— Могли бы договориться об одном таком.

— И что я буду делать, когда ты не сможешь его вспомнить?

Лифт пошёл медленнее. На стене проплыла полоска света от заводского фонаря, потом ещё одна. Рей попробовал вспомнить что-нибудь совершенно их собственное. В голову почему-то пришёл вопрос про канал. Вряд ли за последние два месяца они хоть раз начинали разговор иначе.

— Я ведь могу и разозлиться, — сказала Аврора. — И сказать тебе что-нибудь совсем на меня непохожее. У тебя получится меня дослушать?

— Я выдержал весь инструктаж по этой броне.

— Ты два раза уходил.

— Зато оба раза вернулся.

Она тихо засмеялась. Двигатель съел конец, и Рей едва не попросил повторить. Потом представил, как она послушно смеётся ему второй раз по заказу, и сам усмехнулся в шлеме.

У дверей прибавилось света. За ними кто-то поставил ногу на тяжёлую тележку, придерживая колёса. Из щели потянуло холодным воздухом.

— Есть ещё одна вещь, — сказала Аврора. — Когда моим голосом попросили подтвердить приём, я хотела, чтобы ты меня спросил.

— Куда идти?

— Нет. Говорила ли я это. Даже если бы команды совпали слово в слово. Мне бы всё равно хотелось, чтобы ты спросил.

Рей подумал о свободном месте рядом с собой, куда только что отодвинулся по привычке. Ей тоже случалось стоять рядом и слушать, как он отвечает кому-то другому, принимая за неё.

— Спрошу, — сказал он.

Дверь открылась, и Рей опять шагнул чуть вбок. На этот раз он освобождал дорогу человеку с тележкой. Тот долго примерялся, как проехать мимо, посмотрел на широкие плечи и вежливо попросил выйти первым.

— Сколько у тебя теперь по паспорту? — полюбопытствовала Аврора.

— В этом лифте — полтора человека.

Человек с тележкой остался в кабине. Двери сошлись, и на одно короткое мгновение тонкая синяя линия легла точно в зазор между ними.

Чашка на столе Томаса стояла там же, где он оставил её перед проверкой. Когда он сел, дважды мигнула карточка личной связи. Вызов был от Леи. Томас убрал со стола документы, чтобы видеть её лицо на весь экран, и только тогда принял.

Она сидела у служебной панели. На заднем экране висела заявка на дополнительные военные проверки. Лея заметила, куда он посмотрел, и сгладила ладонью рукав. Этой привычкой она выдавала раздражение раньше, чем голосом. Обычно Томас спросил бы сразу, кто прислал заявку. Сейчас она его опередила.

— Ты опять оставил чай остывать?

Он поднял чашку. Чай действительно остыл. Томас попробовал сделать глоток и поставил её ближе к краю, чтобы Лея увидела, что он хотя бы пытался.

— В этот раз есть уважительная причина.

Лея усмехнулась. У неё на столе тоже стояла чашка. Она взяла свою и поднесла к губам. Томас увидел пар и почти сказал, что при следующем разговоре приготовит чай заранее. Вместо этого он улыбнулся. Их последние разговоры обычно начинались с того, что один из них приносил другому документ, который нельзя было удобно отправить по общему каналу. Здесь было достаточно увидеть чашку в его руке.

На стороне Леи что-то трижды стукнуло. Томас машинально взглянул на настольную схему. Таким звуком обычно просили подтвердить новый вызов, но его экран был пуст. Лея на секунду пропала из кадра. Когда вернулась, в руке у неё была чайная ложка.

— Я вспоминала, как ты разбил блюдце. Помнишь? У меня теперь есть доказательства, что это было именно твоё.

Она поднесла к камере донышко чашки. Белое, с крохотной синей буковкой, больше похожей на семёрку. Томас вытащил из-под своих документов блюдце. Пришлось сдвинуть журнал и поймать карандаш, который покатился на пол. У его блюдца на краю была та самая щербинка. Он перевернул блюдце. На донышке синела вторая семёрка.

— Разбил — это когда можно вымести и забыть. Я с ним четвёртый год езжу.

— Потому что сунул целое в мою коробку. А мою чашку, выходит, тоже себе забрал.

Они переезжали одним днём, когда помещение общей команды отдали под другие службы. В коридоре тогда стояли два одинаковых ящика. Из вещей, не внесённых в опись, у Томаса был погнутый настольный светильник. У Леи — чайник, у которого крышку приходилось придерживать большим пальцем. Он понёс её ящик до лифта, она подхватила его лампу, а двери открылись на разных этажах. До этой минуты Томас не мог бы сказать, в каком из двух ящиков уехала его чашка. Оказалось, Лея могла.

— Видишь у своей возле ручки две тёмные точки? Туда кофе попадал. Я его в чайнике заваривала, когда у нас автомат встал. Ты ещё пил и ничего не сказал.

Он провёл пальцем возле ручки. Точки нашлись. В то утро он промолчал, потому что она сама, попробовав первой, сказала, что кофе получился чудовищный. Она встала, чтобы вылить остаток. Он протянул ей свою чашку за второй порцией. После этого они сидели вдвоём на краю открытого грузового ящика и пили, пока кто-то не догадался обесточить автомат, который всё ещё обещал им четыре порции.

— Сказать было нечего, — ответил Томас. — Ты уже дала исчерпывающее заключение.

Лея рассмеялась, пролила горячий чай на руку и торопливо вытерла пальцы рукавом. Очень захотелось оказаться с той стороны стола. Там ему бы хватило ума молча протянуть салфетку. Через экран оставалось смотреть, как она сама отыскивает её под терминалом.

— Хочешь, пришлю тебе чашку с машиной? — спросил он.

Она успела собрать капли, прежде чем подняла глаза.

— Томас, я знаю, как оформить доставку чашки. У тебя, насколько я помню, ноги целы.

Он подобрал карандаш и убрал в ящик, чтобы после смены случайно не унести вместо чашки ещё один отчёт. На экране Леи военная заявка сдвинулась в ожидание. Она сама коснулась её краешка, освобождая ещё минуту.

Томас ждал, что она назовёт вечер или спросит, во сколько его ждать. Лея знала его слишком хорошо. Стоило ему пообещать девять, и без четверти девять весь орбитальный узел занимался бы тем, как успеть отпустить начальника домой. Она медленно вернула чашку на блюдце.

— Ты всё-таки утаил от меня уважительную причину, — сказала она. Томас посмотрел на погасший стенд за стеклом. По защищённой линии уже шло первое донесение. Лея проследила за его взглядом.

— Надеюсь услышать её вечером, — сказала Лея.

Им обоим полагалось сказать «до вечера». Он уже прикидывал, что будет делать в девять: разгрузка, донесение из комплекса, ещё кто-нибудь с папкой у двери. Лея не сводила с него глаз. Пообещать ей час и затем прислать объяснение Томас умел слишком хорошо.

— Я свяжусь, — сказал он.

Лея кивнула. Сзади у неё обновилась карточка военной проверки. Она дождалась, пока Томас опустит чашку, и только потом взглянула на свой экран.

Экран погас. Документы по грузам Томас сдвинул к себе, не трогая чашки. Пришлось писать чуть сбоку, чтобы не задеть щербатое блюдце локтем.

Глава 4. Люди за стеклом

Началась дневная смена. За ближним пультом снова сидела женщина, которая отработала ночь. Двое у дальней стены даже не вставали. Ида в третий раз запросила перенос подъёма оборудования: люди путали кнопки, на обед ходили по одному, и каждый раз кого-нибудь звали обратно к панели. Первые два запроса остались без ответа. На третий пришло: «Поднимайте. Людей не менять». Подпись — Э. Восс.

Когда женщина с ночной смены в третий раз ткнула пальцем мимо защёлки жёлтого ключа, Ида села на её место. Велела одеваться. Женщина оглянулась на галерею, взяла куртку и ушла. Через две минуты стояла рядом, в застёгнутой куртке, с красным следом на щеке. Створка выпустила её только на полшага и пошла обратно. Дежурный за стеклом велел больше не пробовать: проход закрыли на обслуживание.

Ида вызвала его к местному окну. Он появился в рабочей проекции без надетой гарнитуры. Волосы примялись к одной стороне. Когда Ида потребовала показать основание для закрытия, он повернул голову, и она на секунду увидела рядом с ним открытую дверь. В эту дверь ходила его смена. В отличие от её людей, они ещё могли уйти с рабочего места.

— Я этой двери не закрывал. Пришло через лабораторную стойку, — сказал дежурный.

— Тогда верните управление человеку на двери.

— Мне поручили подтвердить, что я вижу людей.

— Подтвердите сейчас. Мы все на месте. Откройте выход.

Дежурный оставил связь включённой, пока проверял чью-то панель. Ида слышала, как он дважды спросил одно и то же, потом хрустнула гарнитура. На ближайшей стойке появился отсчёт до начала нового испытания. Люди перестали подходить к двери. По прежнему опыту они знали, что окно может ненадолго погаснуть и в это время любое силовое движение лучше закончить заранее. На подъёмной площадке ждали боксы с тяжёлыми изоляторами. От одного провели прозрачный шланг к нижнему коллектору. В нормальном режиме этот ряд поднимали только в присутствии второй смены.

Ида нашла в списке смены Лиса, техника из группы связи. Она послала его за измерителем. Лис уже спускался по пандусу. У пандуса его встретили с тележкой. Через несколько шагов Лис скрылся из виду. Она открыла к нему прямой вызов. Снизу донёсся удар металлического колеса. Потом человек отозвался:

— Мне сказали забрать измеритель у старого шкафа. Мне обратно?

— Через нижнюю лестницу можно выйти во двор?

— Я здесь, у шкафа. А на моём пропуске уже написано, что вышел.

Тележка за двумя стенами опять громыхнула. Техник был внутри. По экрану выходило, что и он, и люди, стоявшие рядом с Идой, уже покинули здание. Она повернула жёлтый ключ и послала три коротких рабочих вызова. Так они привыкли подзывать своих, если из-за стекла переставали друг друга слышать. Снаружи никто не подошёл.

На станции охлаждения у них работал Дан. Он пришёл сюда осенью, уходить собирался уже в третий раз. В прошлую смену Восс попросил его поднять температуру, потом зачем-то пришёл смотреть, как Дан выводит из помещения людей. С тех пор у Дана в шкафу рядом с формой висело заявление. Он набрал ещё одно, когда узнал, до скольких их оставляют, и всё-таки вышел на работу, потому что сменщик под утро ещё был в дороге.

— Я успею вернуться за второй тележкой, — сказал Дан.

Ида попросила Дана сперва глянуть на манометр за окном. На дисплее стрелка давно стояла на месте. Дан приложил лицо к стеклу, назвал давление и ушёл за шкафы взглянуть на нижний коллектор. Женщину в уличной куртке Ида попросила пересчитать всех между дверью и подъёмником.

Дан вернулся от коллектора, но не успел рассказать Иде, что там увидел. С края его куртки уже капало. Первая капля упала на жёлтый носок её ботинка и разбилась в пену.

— Снег, что ли, пошёл у нас в помещении? — спросила женщина в уличных ботинках.

— Рая, от шкафов отойди! — крикнула Ида.

Своё имя она услышала. Указание, похоже, тоже. Она отошла от шкафов, и тут оттуда раздался такой удар, что дрогнули ящики с инструментом. Кто-то сверху уронил целую пригоршню блестящих бусин. Бусины поскакали по чистому полу, одна попала Иде за ворот и холодно лопнула у неё на спине. Из неплотно прикрытого отсека у коллектора густо и ровно хлынула вода.

Они привыкли к воде. После дождя перчатки с наружных площадок ещё долго сушились внизу. В рабочих ботинках хлюпало, под скамьями натекали лужи. Только та вода растекалась к стокам, а эта прибывала из стены у них на глазах. Лёгкую низкую скамью у шкафа вдруг понесло вдоль стены. Один из ночных работников машинально выставил ногу, чтобы остановить её. Ида заметила, как по дальней стороне скамьи идёт жёлтая изоляция от измерительного кабеля.

— Руки уберите! — крикнула Ида. — Ко мне, где сухо!

Дан толкнул скамью ладонью в стену. Она стукнулась спинкой о панель, перевернулась. Из-под неё выскочило пустое ведро. Ведро объехало сапог Дана, покрутилось и ушло под стеллаж. Только теперь все увидели, какой хороший уклон у пола в сторону нижнего коллектора. На большие ёмкости денег не дали. Жидкость после обычных работ уходила в настил самотёком. Когда на настиле стояли люди, по нему удобно было ходить. Когда люди отступили, стало видно, как пена внизу жмётся к одному чёрному отверстию.

— Шланг всё-таки лопнул? — спросила Ида.

— Нет, — сказал Дан. — Шланг целый. Бокс уже подняли. Шланг вырвало из коллектора.

На панели управления висел рисунок изоляторов. На нём все боксы оставались на своих местах, будто их ещё не трогали. Над головой гулко протянулось железное эхо. Они поняли, что подъём уже начали. Прозрачный шланг, который тянулся от нижнего бокса, оторвали от приёмника. Его край хлестал по двери шкафа. При каждом ударе в коридор вылетал новый широкий веер. Молодой техник с галереи бросился ближе, намереваясь подхватить конец.

— Не надо его ловить, — сказала Рая. — На сапоги посмотри.

У неё был самый спокойный голос. Он и остановил парня. Она поддела носком обломок мелкой облицовки, лежавший возле стены. Пластинка проскользила через лужу и, ударившись о край шкафа, развалилась. Снизу панели облицовывали, когда кто-то уже врезался голенью в металл. Лёгкая пена выглядела добродушнее воды, а за шкафом теперь лупило с такой силой, что выгибалась дверца.

Ида вышла к узкому боковому окну и попробовала докричаться до оператора на верхнем ярусе. Отсюда было видно красную полоску у него на рукаве и тёмный затылок над воротом. Он сидел к ним спиной. Панель уже получила сообщение об утечке, но автоматический голос всё повторял, что вызов поставлен в очередь. Люди у окна звали, а обернулся единственный человек: собственное бледное отражение Иды в стекле.

Рая выдернула у парня свободную перчатку и принялась выжимать с неё грязную воду прямо на стекло. Вода пошла густым серым следом. На этот след она наложила ладонь, провела сверху вниз, потом нарисовала под ладонью маленькую круглую голову на тонкой шее. Зрелище получилось смешное и даже обидное для того, кого рисовали. Она уже пририсовывала ему большие уши.

— Я думала, ты напишешь «стой», — сказала Ида.

— «Стой» у них с той стороны каждые три метра написано.

Один из работников наверху увидел. Заржал, привстал над ограждением, чтобы выяснить, кто внизу упражняется в живописи. Тут же перестал смеяться и рукой за плечо развернул к стеклу человека с красной полоской. Ида подняла обе ладони. Рая ткнула вниз. Мужчина разглядел затопленный настил и куда-то побежал, по-прежнему от них, и можно было только стоять у стекла и надеяться, что он понял.

У Раи дрожали пальцы. Когда она отняла их от холодной поверхности, под кривой человечьей головой проступил отпечаток настоящей ладони. Её свободная рука машинально потянулась смыть рожицу. Ида перехватила.

— Погоди. Ещё не услышали.

Пена добралась до первого ряда шкафчиков. Их ставили плотно, каждый предпочитал держать у себя пару ботинок, чистое бельё, коробку с чем-нибудь съестным. Отпирались они маленькими дверцами от пола. Дан бросился к самому дальнему. Успел приоткрыть, и на порог тяжело вывалился бумажный пакет. Вода уже промочила его насквозь. Дан нагнулся за пакетом. Рая сердито плеснула ему под ноги.

— Что там у тебя дороже пальцев?

— Гостинец.

Дан поднял пакет из воды. Пахло печёным луком. Мать передала пирог на всю смену и велела разузнать, кому понравился. Дан поставил пакет на сухую крышку и оглянулся на струю.

В глубине зала что-то коротко и резко взвизгнуло. Струя из-за двери совсем обмякла. Мужчина с красной полоской высунулся на самом краю верхней галереи. Пытался что-то сказать стоявшим внизу людям, но они могли только смотреть, как он открывает рот. Рая показала на свои уши. У нарисованного человечка они, надо признать, получились удивительно похожими.

— Он хочет знать, целы ли мы, — сказала она.

Молодой техник вытянул перевёрнутую скамью и поставил повыше, на сухом участке. На неё села женщина, которую Ида пыталась отпустить после ночной смены. Ида показала людям наверху сначала на скамью, потом подняла большой палец. Мужчина с полоской повторил движение. Рая наконец стёрла рожицу. В сухом углу стекла осталось одно ухо.

Рая отломила кусочек от сухого края пирога. Дан всё ещё смотрел, как вода стекает с пакета. Она тронула его за плечо.

— Скажи матери, что рецепт попросила Раиса. Только ты учти: если она мне скажет «муки, сколько тесто возьмёт», я ей сама позвоню и мы с ней по этому поводу поругаемся.

Человек наверху вернулся к своему посту. Вниз опять донёсся обычный ровный шум. С телефона Иды в третий раз пискнули: ожидание ответа. В лаборатории над их головами кто-то по-прежнему имел возможность выбирать, отвечать им сейчас или оставить ещё на минуту.

В комнате наверху Восс увидел сигнал вызова. Ему показалось, что люди просто хотят вернуть прежнюю очередность работ. Он потянулся к кнопке ответа, но на соседнем экране

появилось новое сообщение с рабочей линии. Цифровая модель наконец начала повторять движения его лица по данным с датчиков. Если теперь отвечать после каждого вызова, инженеры успеют заметить, как близко он подошёл к полному соединению. Восс перенёс сигнал на место, где оставлял уведомления, которым ещё можно подождать, и закрывал дверь в лабораторию, когда снова услышал тройной вызов снизу.

В кадре наружной камеры человек в броне появился раньше, чем о нём сообщил входной пост. Восс узнал характерную походку, хотя корпус был новый. У человека сильно разворачивалось плечо при остановке, как у того бойца, которого Восс видел в записях из Цитадели.

На соседнем экране находилось собственное лицо Восса. Он открыл рот, и через мгновение модель повторила движение. Взгляд получался хуже. Модель смотрела чуть выше той точки, которую выбрал человек, и слишком быстро переставала следить за собеседником. Восс в последний раз отметил задержку по шкале. Сейчас его интересовало, сколько времени останется на следующий шаг, если Рей доберётся до внутреннего корпуса.

Техник доложил по связи, что внешний пост запросил решение. На стене сменились два кадра. Рей стоял у основания подъездного перехода, и за ним было ещё видно дорогу.

— Пригласите его главным входом, — сказал Восс. — Пусть пост остаётся на месте.

Техник выдержал паузу.

— А с прогоном сколько ждём?

Восс развернул на экране шкалу готовности. Модель наблюдала за его рукой. Через секунду она отвела пальцы от своей стороны стекла, хотя он ничего подобного не просил. Это движение было слишком мелким, чтобы проверка зарегистрировала его как самостоятельное действие. Восс заметил.

— Начать подготовку переноса. Всё, что успели проверить, уже должно быть на месте.

За дверью прошли двое сотрудников. Через толстое стекло он увидел, что один придержал тележку у порога и дождался второго. На столе Восса всё ещё лежал незакрытый пропуск к внутреннему выходу. Он убрал его под край терминала и подтвердил ускоренную подготовку.

— Тело стареет, — сказал он. — Моя власть не должна зависеть от него.

У подъездного перехода терминал зажёг зелёное разрешение, как только Рей подошёл на расстояние нескольких шагов. Рей убрал с линии движения правую руку, чтобы она не отсекала обзор, и посмотрел вдоль стекла. Внутри тянулся длинный коридор. В глубине находилась стойка, за которой человек мог бы дождаться, пока посетитель окажется между двумя дверями.

Аврора отметила на визоре внешний источник сообщения. Приглашение оказалось подписано самой системой комплекса. Она видела, где терминал получил разрешение, и ждала его решения.

— Торжественную встречу пропустим.

Рей помнил по карте технический вход, расположенный в боковом корпусе. Снаружи его было видно через разрыв между стенами. По пути он нашёл место, откуда главный проход открывался сбоку. За стойкой оказалась установлена огневая точка. До открытой двери было ещё слишком далеко, чтобы входной пост мог принять это за угрозу и закрыть проход. Рей свернул, не дожидаясь, пока пост заметит его решение.

У оружейной стойки Рей притормозил. «О, супермаркет!» — «Игрушки взрослых мальчишек», — отозвалась Аврора. Он взял винтовку. «Для самых непослушных». Дальше технический ход становился ниже. За спиной едва не скребнули по шкафу верхние пластины. В конце коридора он разглядел поворот к лабораторным дверям и поднял ногу над выступом. Тут из настенного динамика до него донёсся голос Авроры.

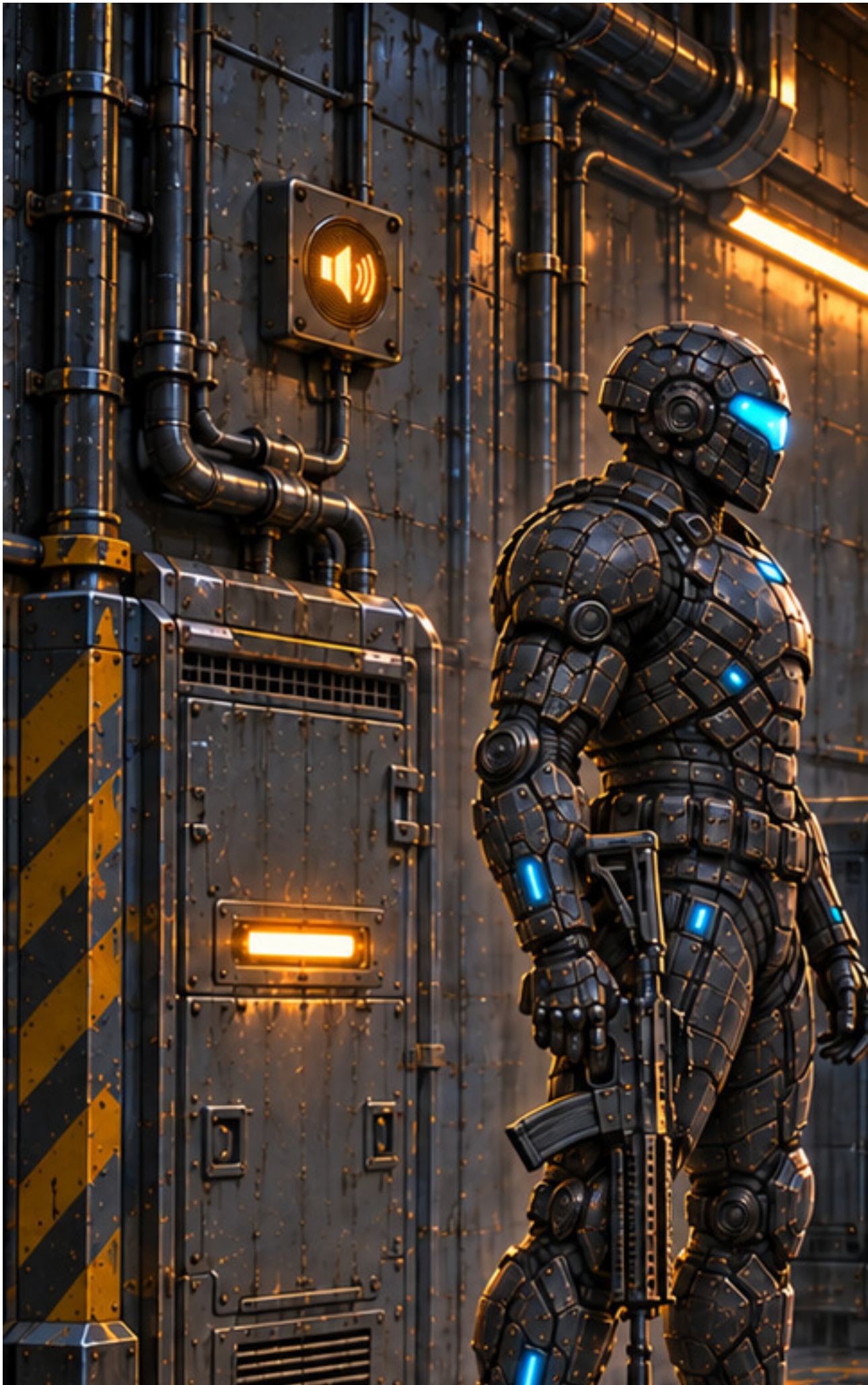
— Проход безопасен.

Голос был близкий и правильный. Даже пауза между словами пришлась на привычное место. Рей задержал ногу над выступом и вернул её на пол.

На визоре вспыхнул знак их отдельного канала. Аврора услышала, что ему только что сказали.

— Мой голос подделали. Отключаю барьер.

Поперёк коридора зажглась голубая решётка. На внешнем терминале проход по-прежнему значился свободным. Без предупреждения Авроры он шагнул бы прямо в неё.

Рей стоял на месте, пока свет не погас.

— Барьер снят. Вперёд.

Из бокового отсека полыхнуло. «Рей, ловушка! Прости», — прозвучало в канале Авроры. Удар отдался в рёбрах, но с места его не сдвинул. «Броня держит. Я тронут», — ответил Рей. Огневая точка погасла от его ответного выстрела. «Готово». У себя на мониторе Восс видел, как Рей проходит вперёд, пока настенный динамик ещё уговаривает его сделать первый шаг. «Отдельная связь. Понятно», — сказал Восс.

За погасшей установкой начиналась галерея, которой не было на плане Томаса. Сначала Рей видел в длинном стекле только собственный визор и мокрый отблеск снаружи. Потом различил на полу две коробки с инструментами и прорезиненный коврик, который так и не успели развернуть до конца. В узком промежутке между ними темнели чьи-то пальцы.

За шкафом сидел техник и баюкал распухшую щиколотку. Когда Рей указал на выход, парень сперва приложил палец к губам, а потом попробовал подняться. У дальней двери уже мигал сигнал закрытия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.